

Всегда в декабре

Автор:

Эмили Стоун

Всегда в декабре

Эмили Стоун

Сурсак. Ромкомы

Все началось с письма. Все закончилось историей любви.

Роман, с которым идеально пережить зиму.

Каждый декабрь Джози отправляет из Лондона письма родителям, которых потеряла в рождественскую ночь много лет назад. Но в этом году все идет не по плану. Случайная встреча с красивым незнакомцем навсегда меняет ее жизнь.

Макс, как и Джози, избегает рождественского сезона. Но это Рождество они проводят вместе. А потом Макс исчезает, не попрощавшись.

В течение следующего года судьба будет сводить Джози и Макса в самых неожиданных местах: Нью-Йорк, Эдинбург, английский пригород. Оказывается, у Макса были все причины, чтобы уйти.

Какой рождественский сюрприз приготовила для них судьба в этом году?

«Пронзительная, трогательная, жизнеутверждающая история, которая согреет вас в любое время года. Держите салфетки поблизости». – Джози Силвер

Эмили Стоун

Всегда в декабре

Чтобы оценить красоту снежинки, нужно выйти на мороз.

Аристотель

Emily Stone

Always, in December

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2021 by Emily Stone

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Часть первая

Декабрь

Глава 1

Джози стояла в дверном проеме, под веткой омелы, повешенной по настоянию Биа «на всякий случай», и молча смотрела на коробку, которую держал Оливер. Одной рукой она придерживала дверь, и в какое-то мгновение ей страшно захотелось хлопнуть ею перед лживой, двуличной и, как она только сейчас поняла, излишне симметричной физиономией гостя.

Оливер кашлянул.

– Ты хотела забрать свои вещи, вот я и подумал, что...

У нее на лице было такое выражение, что он замялся и уставился на коробку с пожитками. Потом засуетился, пытаясь передать ее, и неловко стукнулся о косяк.

– Давай.

Сжалившись, Джози взяла у него поклажу, стараясь перехватить ее так, чтобы не коснуться его руки. Коробка оказалась неожиданно тяжелой – гораздо тяжелее, чем с виду, так что она охнула. Впрочем, это было ожидаемо – за два года в его квартире много чего скопилось, забытого или сознательно оставленного из соображений удобства. Еще несколько недель назад она считала, что в обозримом будущем эти вещи никуда не денутся, потому что сама она рано или поздно переедет к нему. О чем он думал, когда паковал все это? Поначалу он умолял ее не рвать отношения, а сейчас заявился с явным намерением положить им конец.

Джози твердо сжала губы, чтобы не дрожали, и повернулась к Оливеру спиной. Поверх всего, точно брошенные в последний момент, лежали переливающиеся рождественские сережки с оленями, которые он подарил ей три недели назад, еще до праздничного корпоратива. Тогда, вместо того чтобы уйти с ней, как только с десертами было покончено, он остался, напился и стал флиртовать с одной из коллег. А час спустя, вместо того чтобы отправиться домой, пошел в дом к этой самой коллеге. И переспал с ней.

Джози поставила коробку на покрытый ламинатом пол, прямо возле комнаты Биа. Получается, что сережки были его прощальным подарком, хотя тогда ни он, ни она об этом не знали. Мысль, которая снова и снова приходила ей на ум после того утра, когда, застав ее в кровати, он рассказал о том, что сделал, опять пронзила ей мозг, хотя она старалась ее подавить. Если бы она не пошла домой сразу после застолья, тогда, возможно, ничего не произошло бы. Она лежала бы сейчас, уютно свернувшись рядом с ним на красном диванчике, – смотрели бы повторы «По долгу службы», заказали бы доставку тайской еды и бутылку белого вина. Он не поддался бы искушению по имени Кара. Или это случилось бы все равно, позднее, когда на горизонте опять возникли бы просекко и плотно облегающее красное платье?

Она глубоко потянула носом воздух, пообещав себе при первом же удобном случае выбросить сережки в мусорное ведро. Когда она повернулась, Оливер по-прежнему стоял в дверях, и Джози ценой большого усилия постаралась выглядеть невозмутимой и подавить злобу вместе с подступающим к горлу комком. Сунув руки в карманы слишком тесных джинсов, он раскачивался на пятках и смотрел куда-то поверх ее головы, разглядывая квартиру с таким видом, точно видел ее впервые. Джози сложила руки на груди и подняла брови. Что-что, а облегчать ему задачу она не станет.

– Ну, ты как... в порядке?

Он наконец встретился с ней глазами и вроде как вздрогнул от того, что в них увидел. Отлично. Значит, ей удалось пригвоздить его убийственным взглядом. Джози еще выше вскинула брови. Они, наверное, уже скрылись под челкой, но ее это не волновало. Вести светские беседы после того, как он с ней поступил? Не дождется.

– Я имею в виду, после того, что случилось сегодня в офисе, я просто хотел убедиться...

Он снова замялся, очевидно, утратив способность изъясняться полными предложениями. Джози стояла, крепко сцепив руки на груди, отчаянно надеясь на то, что жар, подступающий к щекам, не проступит на лице краской. Следовало ожидать, что он заговорит об этом. Следовало ожидать, что он догадался, почему Джанис выразила желание побеседовать с ней. Сидеть в одном кабинете с бывшим, помимо того, что приходится видеться с ним каждый день, чревато еще и тем неприятным обстоятельством, что притворяться, будто

на работе все зашибись, никак не получится.

– Я в порядке, – кратко сказала Джози, но по тому, как его взгляд задержался на ее лице, а карие глаза смягчились, она поняла, что он не повелся на ее слова. Она переступила с ноги на ногу, жалея о том, что не переделалась, потому что сейчас ее офисное платье в черно-белую полоску вдруг стало слишком тесным и точно уличало ее в том, что, придя домой в два пополудни, она четыре часа маялась от безделья. Как, говоря по правде, и было. Хотя, возможно, он этого не заметил – когда они бывали вместе, он никогда не обращал особого внимания, во что она одета, и она находила ужасно милым, что ему все равно, как она выглядит – при полном параде или в спортивном костюме. Сейчас она задавалась вопросом, а вдруг это было притворство, учитывая, с какой девицей он переспал.

Оливер открыл рот, снова закрыл его и кивнул, явно решив оставить при себе то, что собирался сказать, и ту снисходительную поддержку, которую хотел предложить.

– Хорошо, – спокойно произнес он и провел рукой по темно-каштановым волосам, которые лежали ровно, точно приклеенные, хотя боковой пробор, над которым он трудился каждый день, слегка растрепался. – Но ведь ты всегда можешь поговорить со мной, верно, малышка? Я по-прежнему...

Джози подняла руку.

– Не называй меня малышкой. – Она вздохнула. – Пожалуйста.

Только этого не хватало. Поплачь мне в жилетку, а я тебе скажу, что ты мне по-прежнему безразлична. Но будь она ему настолько безразлична, он не стал бы спать с другой. Тем более если они все вместе работают, и ей придется сталкиваться с той в офисе, где она расхаживает на своих непомерных каблучищах, как у себя дома.

– Ладно, – сказал Оливер и потер себе затылок, отвернувшись от нее и оглядывая невзрачную прихожую. В другом ее конце слабо мерцала лампочка, и это лишь подчеркивало убогость плохонького запятнанного ковра, который резко контрастировал с виниловым ламинатом внутри квартиры – его Джози намывала до блеска, не жалея усилий. Оливер вздохнул и снова посмотрел на

нее карими глазами олененка Бэмби, из-за которых она потеряла голову два с половиной года назад, когда он в первый раз неспешно вошел в их офис – уверенный в себе ровно настолько, чтобы казаться привлекательным, но не раздражать. – Слушай, Джози, я знаю, что сделал тебе больно, и знаю, что ты вряд ли сможешь меня простить, но мне ужасно не нравится, что ты будешь сидеть здесь одна, пытаешься справиться с этим. Я просто думаю, что мы могли бы поговорить, мы...

Джози помотала головой.

– Не сейчас, Оливер.

Он уронил руку и выглядел при этом так печально, с поникшими плечами под черной курткой North Face, что она почти сдалась и чуть было не прикоснулась к его рукаву. Чуть было. Потому что вовремя вспомнила, что не он пострадавшая сторона в этой ситуации. По какому праву он снова пытается пробраться в ее жизнь и представляет дело так, точно это она сгущает краски?

– И я не одна, – произнесла она прерывающимся голосом. – У меня есть Биа.

– Ладно.

Оливер несколько раз кивнул, точь-в-точь как собачка с качающейся головой, которую ей подарили в этом году во время офисной церемонии «Тайного Санты». Джози поставила фигурку на стол, желая показать, что ей приятно, несмотря на то, что все кому не лень, проходя мимо, щелкали собачку по башке, и потом Джози краем глаза следила, как она трясет ей, а сама старалась печатать.

– Хорошо. – Оливер кашлянул. – Ну, мы же увидимся на вечере во вторник? – Он неуверенно улыбнулся, показав кривые зубы, которых, как ей было известно, стеснялся.

– Ну да, увидимся, – сказала она, сдерживая вздох. Присутствие на вечере было обязательным, несмотря на то, что это канун Рождества.

Оливер еще помялся в дверях, точно ожидая, что она сдастся и обнимет его, или пригласит зайти, или еще что-нибудь. В конце концов, на протяжении их

взаимоотношений это она всегда шла на компромиссы, не спала допоздна, потому что ему хотелось развлечься, соглашалась мотаться по городу вместо того, чтобы поехать на природу. И он, и она знали это, каждый из них играл свою роль. Но теперь было иначе. Оливер поднял глаза, увидел печально висящую над ними омелу и слегка покраснел. Джози поморщилась. Черт бы тебя побрал, Биа.

– Ну, – промямлил он, – тогда до скорого. – Он пошел было прочь, но обернулся, прежде чем она успела закрыть дверь. – Мне действительно жаль. – Его карие глаза, почти такого же оттенка, как у нее, смотрели не мигая. – Я знаю, что момент дерьмовый, и я в самом деле... – Он помотал головой. – Просто прости.

Она помедлила полсекунды, плотно сжав губы и думая, а может, сказать ему, что «прости» тут недостаточно, и спросить, почему, ну почему именно сейчас, в то самое время, когда ей тяжело, и он об этом знает. Спросить его, переспал ли он с Карой еще раз и будет ли теперь, когда Джози вышла из игры, подкатывать к ней. Но у нее не хватило духу, она не была уверена, что хочет знать ответ. Поэтому она просто кивнула и захлопнула дверь.

Прижавшись головой к двери, она немного постояла с закрытыми глазами. Главное – не разреветься, поэтому она размеренно подышала и подняла глаза вверх, чтобы унять жжение. Он того не стоит, сказала она себе. Бывало и хуже, и она выжила, так ведь?

Джози отлепилась от двери и со вздохом потащила коробку с барахлом к своей комнате в дальнем конце коридора. У нее была большая комната, на этом настояла Биа, хотя арендную плату они делили поровну. При виде пурпурной мишуры, которой Биа украсила дверной косяк, она поморщилась. Ей очень хотелось сорвать украшение, но она не стала, потому что, несмотря на обуревавшие ее чувства, знала, что это расстроит Биа.

Не успела она уронить коробку на кровать, как в входной двери послышался скрежет ключа. Помяни чертовку...

– Джоз? Джози!

Тут же раздался шум падающих предметов, звон ключей и громкая брань. Джози высунула голову из комнаты и помимо своей воли фыркнула от смеха: разноцветная сумочка валялась на полу, ее содержимое разлетелось по полу, а

Биа крутилась волчком, пытаясь стянуть пальто, в котором застряла рука. Увидев Джози, она свободной рукой подняла бутылку вина.

– Главное спасено, остальное ерунда.

Она осторожно поставила бутылку на ступеньку, ведущую в кухню, затем избавилась от пальто и, не глядя, швырнула его в свою комнату.

– Так, судя по твоему виду, тебе надо выпить.

Джози послушно отправилась вслед за Биа в кухню открытой планировки тире гостиную и уселась на потрепанный диван, в то время как Биа принялась искать бокалы. Гостиная приобрела уютный и праздничный вид – декоративный камин и окна светились лампочками, на кофейном столике в центре комнаты красовалась вазочка с орехами, а в углу стояла небольшая елка, аляповато украшенная голубыми, серебряными, красными и золотыми игрушками и мишурой – если смотреть на нее слишком долго, то голова начинала кружиться. Все это были поделки самой Биа, за исключением одной игрушки – маленького деревянного лебедя, которого Биа подарила ей на первое совместное Рождество и с тех пор неизменно требовала, чтобы Джози сама вешала его на елку.

Как же ей повезло, что Биа оказалась в числе ее четверых соседей по дому, когда Джози только приехала в Лондон! Она никого не знала, и потому ей пришлось воспользоваться сайтом SpareRoom и принимать решение об аренде на основании двадцатиминутного просмотра и бестолкового разговора с жильцами. Тогда она остановила свой выбор на самом первом месте благодаря искорке участия, которую почувствовала в Биа, и теперь, восемь лет спустя, они по-прежнему жили вместе, хотя и в другой квартире.

– Так вот, – сказала Биа, протянув Джози бокал с красным вином, а затем прислоняясь к стойке, разделявшей гостиную и кухню, – я столкнулась на лестнице с недомерком. – Кому-кому, а Биа, чей рост составлял полтора метра, вряд ли стоило рассуждать о чужой низкорослости, но она была убеждена, что у Оливера комплекс на почве того, что он на несколько сантиметров ниже Джози. Возможно, она была права, думала Джози, учитывая, что Кара – в отличие от нее, долговязой и неуклюжей – была миниатюрной.

Джози досадливо нахмурилась – Биа уже знала про разрыв и как он рассказал ей о том, что переспал с другой, когда Джози еще была в постели, не одетая, едва проснувшись.

– Хочешь поговорить об этом? – спросила Биа.

Джози пожала плечами.

– Не о чем говорить. Он просто занес мои вещи.

– Мило с его стороны, – фыркнула Биа.

– Ага.

Биа отпила вина, закрыла глаза и простонала от удовольствия – не сказать чтобы совсем притворного.

– Вечный кайф, – вздохнула Биа. – Ей-богу, если мне предложат выпить еще один стакан глинтвейна, плесну в лицо этим пойлом.

Джози подняла брови.

– Что случилось с твоим праздничным настроением?

– Оно по-прежнему при мне, но я хочу шампанского, а не подогретого алкоголя.

Биа сделала еще один глоток вина, и Джози тоже пригубила свой бокал.

– Вкусное.

– Это Мальбек, – усмехнулась Биа. – Хочу настроиться на завтрашний перелет.

– Ты о чем? – нахмурилась Джози.

– Только не говори, что не помнишь.

Джози смутилась, застигнутая врасплох.

– Аргентина! – воскликнула Биа, вскидывая бокал, так что еще чуть-чуть, и вино расплескалось бы. – Забыла? А ведь это ты сказала мне поехать туда. Там я предамся страсти, проведу Рождество на пляже и встречу Новый год на вечеринке в Буэнос-Айресе. Я же говорила тебе, – настаивала она.

– Да, но я не думала...

Джози не закончила фразу. Да, она советовала Биа отправиться в поездку, но в то время она считала, что будет отмечать Рождество с Оливером, как они планировали, и не думала, что Биа действительно купит тур. У той вечно были грандиозные планы, которые оставались неосуществленными – летом она собиралась поехать на месяц в центр йоги в Испанию, но передумала, решив, что не настолько любит йогу. Затем был момент, когда она записалась на актерские курсы в Лондоне, а после поняла, что они ей не по карману. Потом ее осенила блестящая идея зарабатывать продажей косметики на дому, но оказалось, что это требует массы усилий.

– ...А вернувшись домой, я – о, чудо! – пойму, чего хочу от жизни, и брошу эту треклятую секретарскую работу. – Джози кивнула, старательно делая вид, что внимательно слушает все, что только что сказала Биа. – Это ведь так работает, да? Путешествие, меняющее жизнь, путешествие-прозрение?

– Что? А ну да, именно так.

Биа скривилась, явно недовольная отсутствием энтузиазма у Джози.

– Или, по-твоему, я должна секретарствовать до конца своих дней?

– Не говори ерунды, – сказала Джози. Хотя, положив руку на сердце, отследить трудовые подвиги подруги всегда было непростой задачей – за время их знакомства той удалось продержаться на одном месте максимум восемь месяцев, хотя саму Биа это отнюдь не напрягало, она считала, что ищет себя. Джози от такой жизни давно бы рехнулась, но Биа чувствовала себя как рыба в воде.

– Джози, ты в порядке? – встревожилась, глядя на нее, Биа.

– Да, – сказала Джози и, как отвлекающий маневр, сделала большой глоток вина. – Дело в Оливере, сама знаешь.

Биа с сочувствием кивнула. На самом деле Джози только сейчас осознала, что будет встречать Рождество в одиночестве. Прежде она об этом сильно не задумывалась, по обыкновению отодвигая мысли об этом дне, и почему-то предполагала, что Биа будет почти все время рядом, учитывая, что ее родители тоже жили в Лондоне. А теперь перед ней маячила мрачная перспектива провести неделю одной в этой квартире. Она автоматически бросила взгляд на кофейный столик, на три лежавших там конверта – ими она занималась, когда появился Оливер. В первом, нераспечатанном, было официальное письмо из ее компании. Во втором – поздравительная открытка от бабушки с очередным приглашением приехать на Рождество. А в третьем – письмо с неизменным текстом, которое она из года в год писала своим родителям.

Биа перехватила ее взгляд, но расспрашивать не стала, и за это Джози была ей благодарна. Пока ей не хватало смелости рассказать подруге про работу, а о том, почему Джози не может заставить себя проводить Рождество у бабушки с дедушкой, Биа знала. Но не про последнее письмо. Об этом Джози никогда никому не говорила – это было личное, то, что она делала только для себя.

– Ты ведь можешь поехать со мной, – мягко сказала Биа. – Предложение еще в силе, будет здорово, если ты составишь мне компанию.

Джози подняла глаза: лицо Биа выражало понимание, и от этого ей стало совсем невмоготу. Желание разреваться накатило снова – она сдерживала себя изо всех сил, до головной боли. Просто день сегодня был паршивый, только и всего.

Джози помолчала, потом вздохнула:

– Не могу. Извини.

Бронировать билет на завтрашний рейс – все это было чересчур, учитывая, как радикально поменялась ее жизнь за считанные недели. Она на собственном опыте убедилась, к каким разрушительным последствиям приводят импульсивные решения, и пусть в случае с Биа спонтанность срабатывала, у нее

это никогда не получалось. У нее при этом начинало неприятно сосать под ложечкой.

– А может, к Лоре? – поинтересовалась Биа, подразумевая офисную подружку Джози. – Я имею в виду – на Рождество?

– Она уезжает в Шотландию со своим крутым шотландским женихом.

– Ожидаемо, – Биа покачала головой. – Ладно, слушай, у меня в сумке еще одна бутылка заныкана...

– Само собой.

– Поэтому предлагаю выпить обе, заказать доставку и посмотреть «Реальную любовь», или, если хочешь, «Гордость и предубеждение», или еще что-нибудь.

Джози сморщила нос.

– Нет настроения смотреть романтическое кино.

– Тогда «Властелин колец»?

Джози рассмеялась. Она посмотрела на Биа, чье лицо в форме сердечка сейчас обрамляли ярко-рыжие кудряшки – подруга выкрасилась в этот цвет по случаю праздника, но не факт, что это надолго, потом перевела взгляд на рождественскую елку, и ее сердце болезненно сжалось при мысли, что завтра Биа здесь не будет. Глаза снова стало щипать. Господи, надо как-то взять себя в руки. Она опять бросила взгляд на конверты на столике, подумала обо всем, связанном с ними, и поняла, что ей надо выйти на воздух.

– Запомни эту мысль. Мне нужно отправить письмо, я мигом.

– Сейчас? – удивилась Биа, не веря своим ушам.

– Я мигом, – повторила Джози и, вскочив на ноги, поставила полупустой бокал на кухонный стол рядом с Биа, а потом схватила три письма. В своей комнате она бросила два конверта на кровать рядом с коробкой, потом взяла телефон,

велосипедный замок и – на всякий случай – банковскую карточку.

Когда она шла по коридору к входной двери, Биа стояла на верхней ступеньке в гостиной и наблюдала за ней поверх края бокала.

– Если ты несешься как угорелая, потому что чувствуешь, что пахнет паленым, а я – нет, тогда я точно буду донимать тебя, когда сгорю и стану привидением.

Джози закатила глаза. Она натянула куртку, надела кроссовки и сунула в карман последнее письмо.

– Веселая картинка.

– Ладно, но быстрее-е, – проговорила Биа, растягивая последнее слово. – Если замешкаешься, я допью твоё вино. Из твоего бокала и без зазрения совести.

Джози, не оборачиваясь, махнула ей рукой и вышла из квартиры.

Оказавшись по другую сторону двери, она «отпустила» лицо и зажмурила глаза. На протяжении последних двадцати лет не было случая, чтобы она предвкушала Рождество. Она давно забыла, каково это – быть ребенком, отчаянно и нетерпеливо ждать прихода Санты, прислушиваться к звукам родительских шагов. И хотя она ценила возможность отдохнуть от работы и пообщаться с подругами, которые всегда были в приподнятом настроении и по случаю праздника искали поводов повеселиться, приближение самого Рождества страшило связанными с ним воспоминаниями. Последние несколько лет в Лондоне у нее было много дел и возможностей отвлечься – в этом ей помогали хорошие подруги (особенно Биа и Лора), ответственная работа, а с недавнего времени – Оливер. А теперь она лишилась по крайней мере двух сильных позиций. Джози сунула руку в карман куртки и провела пальцами по гладкому конверту. Очень безрадостное намечается Рождество.

Холодный сырой воздух хлестал Джози в лицо, когда она мчалась на велосипеде, слегка нажимая на тормоза, вниз по Стритем-Коммон, мимо бегунов, с трудом поднимающихся по другой стороне дороги. Ее дыхание превращалось в пар и тут же растворялось в сгустке темноты вокруг: в здешнем скоплении людей и огней темнота рассеивалась быстро, не то что в деревушке, где она выросла, – там, выходя в ночь, Джози всегда брала с собой фонарь. Щеки уже замерзли, и ощущение было такое, точно к коже прилипли малюсенькие капельки воды, хотя дождя не было. В последнее время в офисе и по новостям то и дело говорили про снег, и вся страна, как и каждый год, с волнением ждала Белого Рождества. Джози предпочла бы дождь, хотя ей было известно, что это идет вразрез с общим мнением, и лучше держать эту мысль при себе. Но ей снег навевал болезненные воспоминания о Рождестве двадцатилетней давности, когда она смотрела в окно на пушистые снежинки, падающие на пустую дорожку перед домом бабушки с дедушкой, рядом лежал полный и неоткрытый носок с подарками, а она прислушивалась к всхлипам бабушки, которая в соседней комнате готовила ей горячий шоколад.

В носу защипало – Джози поморщилась, глотнула еще воздуха и закашлялась от автомобильных выхлопов, случайно попавших в легкие. У подножия холма она свернула направо и, нажав на педали, пронеслась мимо железнодорожной станции и первого замеченного почтового ящика. Она пока не была готова бросить письмо и вернуться домой, ей отчаянно хотелось забыть этот паршивый день.

У следующего светофора Джози пришлось остановиться – она совсем мало проехала, а дышала с трудом. Она подождала, пока красного человечка на светофоре сменит зеленый, и люди, склонив головы, побегут через дорогу под звуковой сигнал, торопясь попасть в тепло своих домов. Но трое не рванули со всей толпой – они пошли прогулочным шагом, улыбаясь и явно не замечая хаоса пригородной зоны. Это было семейство – мама, папа и мальчик, на вид лет пяти-шести. Он смеялся, на его соломенных волосах красовался ободок с оленьими рожками, которые шевелились при каждом повороте головы. Родители держали сына за руки, а он раскачивался взад-вперед, опираясь на них и играя в какую-то свою игру.

Это так напомнило Джози себя и родителей в один из подобных вечеров, только более тихий, без шума машин, недовольных автомобильных гудков и людского цыканья, когда кто-то попадался на пути. По улицам ее деревни ходить было легче и безопаснее, но она тоже любила, пока не выросла, держаться за руки

родителей и чтобы они подбрасывали ее вверх на счет «три». Так они гуляли до почтового ящика каждый год в предрождественскую неделю, сколько она себя помнила и, по словам бабушки, до того. Держась за руки, она между ними, с письмом Санте в кармане курточки, приготовленном для отправки на Северный полюс.

Навсегда Джози врезался в память девятый год ее жизни. В том году шел снег, она была в восторге, носилась, оставляя дорожки следов, как это возможно только в деревне, требовала купить морковку в магазине, ведь нос у снеговика – это самое важное. Морковь, которая была дома, не годилась – нос должен быть идеальным, настаивала она. Поэтому они бросили письмо по пути в магазин, и сразу после этого Джози перестала качаться у них на руках, потому что мама, поскользнувшись на тротуаре, чуть не потеряла равновесие. По какой-то причине этот конкретный момент отпечатался в ее памяти – как у мамы поехал меховой коричневый сапожок, как она сама схватилась за руку Джози, едва не утянув ее за собой. Как мама смеялась, – угораздило же меня! – как они с папой переглядывались поверх головы Джози. Потом ей часто приходила мысль, что это было предзнаменованием случившегося недель позже.

Что она тогда написала в письме Санте? Джози помнила, как снег хрустел под ногами, как на подходе к почтовому ящику стали неметь пальцы, несмотря на красные перчатки. В памяти осталась мамина серебристая шапочка с помпоном, из-под которой виднелись темно-русые длинные волосы, и это, по мнению Джози, придавало ей сходства с принцессой. У нее в ушах звучал папин голос, перечислявший всевозможную чепуху, которую она могла бы пожелать – левый носок, головку лука, новую посудомоечную машину. Но что она действительно хотела получить на Рождество в тот год, чего жаждало ее девятилетнее сердце, – об этом она не имела ни малейшего понятия.

Но тогда Джози еще верила в Санту. И только на следующий год, когда он не исполнил одно-единственное ее желание, отправленное, как обычно, почтой, правда, теперь за руку ее держала не мама, а бабушка, она перестала верить.

И все же традиция не прекратилась. На Рождество Джози по-прежнему писала письмо и опускала его в почтовый ящик. Она просто не могла отказаться от этой привычки. Только теперь письмо было другим, и говорилось в нем отныне всегда одно и то же.

Дорогие мама и папа! Я очень по вам скучаю. Веселого Рождества! С любовью, Джози.

Громкий автомобильный сигнал резко вернул ее к реальности. Она поняла, что задерживает движение – свет поменялся, а она мешает проезду, потому что остановилась посередине дороги, а не левее, как следовало бы. Она поморщилась, ставя ноги на педали, и быстро перебралась ближе к обочине, намеренно не оборачиваясь на машину сзади из страха увидеть возмущенный взгляд водителя. Смахнув непрошеную слезу, она сделала глубокий вдох, чтобы не разреветься, и снова принялась крутить педали. Увидев очередной почтовый ящик, Джози проехала мимо – еще не хотелось возвращаться в квартиру, улыбаться, пить и болтать о том, как классно Биа будет проводить время в поездке. Сначала ей нужно привести себя в порядок. Подумать о чем-то другом, твердо сказала она самой себе. Ее мысли автоматически переключились на работу, что прямо сейчас было не совсем кстати. Потому что в памяти сразу возник образ начальницы, приглашающей ее для «беседы» в стеклянный закуток и откидывающей назад свои прямые черные волосы.

Джози, боюсь, нам надо кое о чем поговорить.

Джози стиснула зубы и быстрее закрутила педали, обгоняя другого велосипедиста. Сейчас она ехала по Стритем-хай-роуд, под праздничной гирляндой – та хоть и уступала рождественским огням на Оксфорд-стрит, но могла дать сто очков вперед скромным украшениям, которыми гордилась ее деревня. Интересно, их по-прежнему развешивают, и насколько вообще изменились рождественские традиции? В то время иллюминацию включали при общем скоплении народа, пили глинтвейн, угощались сладкими пирожками и пользовались возможностью обменяться свежими сплетнями. Джози ходила туда вместе с родителями и сразу исчезала вместе со своей лучшей школьной подругой – они рыскали в поисках шоколадных конфет, которые кто-нибудь да оставлял без присмотра. В первый год после того, как все случилось, бабушка с дедушкой попытались сходить с ней туда, но Джози все время плакала, и потом они оставили эту затею. Интересно, стали ли бабушка с дедушкой ходить туда снова после того, как она поступила в университет и не приезжала на рождественские каникулы, или для них это тоже было слишком тяжело? Она никогда не отваживалась спросить об этом.

Джози чертыхнулась про себя, уклоняясь от столкновения с пешеходом, который не глядя ступил на проезжую часть. Об этом лучше не думать, так ей точно не удастся отвлечься. Ладно, если не о работе, значит, о чем-то другом. Этим «чем-то другим» был, разумеется, Оливер. Оливер, заявивший, что ему надо ей что-то сказать, когда она была еще в постели. Оливер, рассмеявшийся в ответ на ее слова о том, что Кара строила ему глазки на корпоративе, сказавший, что скоро придет, вот только выпьет еще одну рюмочку. И сама Кара, потряхивающая светлыми кудряшками и глядящая на Оливера ярко-голубыми глазами с золотой подводкой, Кара в сногшибательном красном платье.

В красном, как у мамы, платье, которое она надела на вечеринку в рождественский сочельник. Родители не хотели ехать на ту вечеринку, но в последнюю минуту передумали, потому что бабушка уговорила их. У мамы была помада в тон платью, она разрешила Джози накрасить ей губы.

– Будь умницей, Поза, договорились? – Папин голос слышался неясно, потому что она плохо помнила, как он звучал. Папа держал ее за бока и подбрасывал вверх, и раскручивал из стороны в сторону, она восторженно повизгивала, а мама вздрагивала, потому что Джози уже была слишком тяжелой для подобных маневров. – Санта еще может передумать.

На этот раз Джози достигла светофора вовремя и успела проскочить, прежде чем загорелся желтый. Ее дыхание учащалось, но она все гнала вперед, так что мышцы начали гореть.

Бабушка говорила, похлопывая мамину руку.

– Поезжайте и развлекитесь, а за нас не беспокойтесь, правда, Джози?

Джози кивнула – она уже заплела косички и приготовилась спать с такой прической, чтобы поутру волосы были волнистыми, потому что так ей было лучше всего, а всем известно, что в Рождество надо выглядеть наилучшим образом. Вообще-то ей не хотелось, чтобы родители уезжали, ей хотелось, чтобы они остались дома и посмотрели с ней фильм, но они обещали, что к утру вернутся и она, как только проснется, сможет прийти к ним в спальню открывать носок.

Ее зрение уже затуманилось, передние фары машин казались похожими на язычки пламени, пляшущие бликами по сторонам дороги и придающие всему оранжевый отсвет.

Полицейские в дверях, разговаривающие с дедушкой, еще не успевшим снять с себя клетчатый халат и переодеться. Джози, крадущаяся вниз по лестнице и недоумевающая, как это все поднялись раньше ее и вдруг она опоздала к блинчикам, которые мама всегда готовит на завтрак в Рождество. Бабушка, оборачивающаяся к ней с бледным лицом и красными глазами.

– Джози, дорогая, пойді ненадолго к себе наверх, ладно?

Слезы уже текли ручьями, безостановочно. На холодных щеках оставались горячие дорожки, и когда они попадали в рот, Джози чувствовала привкус соли.

Свет вспыхнул снова, когда она попыталась прояснить обзор, не уверенная в том, к какому моменту относится вспышка – к настоящему или это ее воспоминания? Слух резанул сигнал машины. Лица родителей, освещенные встречными фарами. Ее там не было, но она снова и снова представляла себе, как это было.

Снова сигнал, теперь слышнее. Задыхаясь, Джози свернула на велосипедную дорожку и опустила глаза, чтобы переключить скорость, и тут ее перчатка скользнула по металлической поверхности.

Она подняла взгляд: прямо перед ней, поперек дорожки, припарковалось черное такси с включенной «аварийкой». Джози попыталась сманеврировать, но дверца со стороны тротуара уже открывалась. Она чертыхнулась, крутанула руль и на мгновение увидела лицо мужчины, который вышел из такси, захлопнул за собой дверь и посмотрел на нее в тот самый миг, когда она летела на него.

Тормоза болезненно взвизгнули, Джози попыталась отклонить велосипед влево, как можно дальше. Но это не помогло. Сердце ухнуло в груди, и на какое-то парализующее мгновение перед ней мелькнул ошарашенный взгляд мужчины – в его глазах отражался свет ее фар.

Потом он повалился навзничь, а велосипед вильнул в сторону. Вытянув руки, Джози рухнула на асфальт и почувствовала острую боль в запястьях.

Глава 3

Джози лежала плашмя на земле, сердце колотилось, в ушах стоял звон. Колени саднило, бедрами она ощущала проникающую сырость дороги. Она неуклюже приподнялась на колени, чувствуя дрожь в руках.

Рядом стояли люди, кто-то из них кричал, как она сейчас поняла, когда звук наконец пробился сквозь звон в ушах. Она сфокусировала внимание на фигуре, двигавшейся с другой стороны такси – это была женщина. Невысокого роста, чуть полноватая. Почему она кричит на нее? Потом до Джози дошло – это была таксистка.

– Вы что, ослепли? – басыла та на удивление низким, по сравнению с ее габаритами, голосом. – Какого черта вы неслись с такой скоростью? У вас что, глаз нет? Может, стоило капельку притормозить, а?

Чуть поморщившись, Джози с трудом поднялась на ноги. Она не сильно ушиблась, но неловко подвернула руку, когда пыталась амортизировать падение, и на боку почти наверняка обнаружится синяк. И колготки порвались. Класс. Вот что бывает, когда садишься на велосипед в неподходящей экипировке.

Один из прохожих, остановившихся поглазеть на происшествие, поинтересовался, все ли с ней в порядке, и она тупо кивнула, а таксистка между тем продолжала разоряться, переводя взгляд с Джози на что-то позади нее. Джози подскочила, запоздало вспомнив про мужчину, которого сбила, повернулась – и ее сердце снова бешено заколотилось.

При виде этого человека дыхание снова слегка пресеклось. Другой прохожий, слегка лысоватый, пытался ему помочь, и тот неуверенно поднимался, его движения были замедленными и неловкими. Джози бросилась к нему, вся на взводе, с пересохшим ртом.

– Вы в порядке? – выпалила она, но он, казалось, не слышал ее голос, заглушаемый оживленными пересудами зевак. Лысоватый протягивал ему

портмоне и какие-то бумажки, вероятно оброненные при падении. Она сделала еще один шаг вперед под взбешенным взглядом таксистки. Господи, а вдруг у него травма? Он поднялся, но держится на ногах нетвердо – а вдруг сломано ребро или еще что-нибудь?

– Я... – снова начала Джози, но осеклась, когда он наконец посмотрел на нее. Она не вполне разглядела его лицо, только заметила четко очерченный подбородок и растрепанные волосы, но могла поклясться, что вид у него был мрачный – ночные тени брали верх над островками света от фонарей и автомобильных фар. Обхватив себя руками, она сделала еще один неуверенный шаг в его сторону.

– Простите, пожалуйста, – выдохнула она.

Он ничего не ответил, просто мазнул по ней взглядом и повернулся к Лысоватому, который помогал собирать последнее имущество.

Ладони Джози вдруг стали липкими от пота.

– Я не знаю, что сказать. Не передать словами, как мне жаль, – лепетала она, желая, чтобы он поднял на нее глаза, а не смотрел, хмурясь, в асфальт, точно она не стоила его внимания. – Я не понимаю, как это произошло, я была невнимательна, это целиком и полностью моя вина, и я...

Он поднял руку, а толпа вокруг них между тем стала рассасываться, теряя интерес, как только момент драматического накала остался позади. Он смерил ее взглядом, точно взвешивая искренность ее слов и принимая в расчет рваные колготки, офисное платье, торчащее из-под голубой зимней куртки, красно-белые кроссовки, которые никак не вязались с одеждой. Джози напряглась под его взглядом, и когда он достиг ее лица, почувствовала, что краснеет. Видок у нее, надо думать, был кошмарный – он, вероятно, решил, что его сбила городская сумасшедшая.

– Все в порядке, – произнес он отрывистым и низким голосом, едва различимым в шуме транспорта. Он снова отвернулся от нее, чтобы поблагодарить Лысоватого, который кивнул, бросил любопытствующий взгляд на Джози и отправился восвояси.

– Ни черта не в порядке, – пробурчала таксистка. Но она уже шла к машине, очевидно рассудив, что раз никто серьезно не пострадал, то ей тут больше делать нечего.

Джози неловко мялась. Колено пульсировало, но ей не хотелось его осматривать, чтобы не показалось, будто собственное самочувствие ей важнее состояния незнакомца, которого она сбила. Теперь они остались вдвоем, он взглянул в ее сторону, и в его глазах мелькнуло удивление, что она все еще здесь. Она не могла разобрать, какого они цвета, возможно, они только казались темными из-за его мрачного вида. Мужчина был примерно ее возраста и сантиметров на пять выше.

– Мне действительно очень жаль, – повторила она, понимая, что фраза звучит как заезженная пластинка, но совершенно не зная, что еще, учитывая обстоятельства, уместно сказать в таком случае.

– Я же сказал, все в порядке, – устало вздохнув, произнес он. Не так отрывисто, как раньше, но все же не так, как ей хотелось бы. Джози прикусила губу, но, прежде чем она смогла что-то добавить, таксистка опустила окно с пассажирской стороны.

– Ладно, значит, все нормально? – поинтересовалась она, намеренно не глядя на Джози, по-видимому решив, что не обращать на нее внимания будет более действенным наказанием, чем ругать.

– Нормально, спасибо, – кивнул мужчина. С таксисткой он держался вполне любезно. Впрочем, она везла его к месту назначения, а не сбивала с ног в тот момент, когда он туда добрался.

– Тогда ладненько.

С этими словами таксистка подняла стекло и выехала на дорогу, пристроившись за автобусом.

Как только такси отъехало, мужчина снова помрачнел и уставился на дорогу. Он так подчеркнуто игнорировал Джози, что она вполне могла бы бросить его на произвол судьбы, но считала это неправильным. Она тоже взглянула на дорогу и раньше него заметила то, что он высматривал. Примерно в метре от того места,

где они стояли, валялся его телефон – она подняла его и почувствовала, как скрутило живот: экран был вдребезги.

– Черт, – пробормотала она извиняющимся голосом, протягивая ему телефон. – Мне так...

– Жаль?

Принимая его, он поднял брови, и она почувствовала, что краснеет. Сейчас, оказавшись ближе к нему, она поняла, что у него зеленые глаза, а точнее, они были гетерохромные, с более светлым ободком по краю. Назвать второй оттенок «золотым» было бы неправильно, учитывая мрачное выражение его взгляда, и это без учета нахмуренных бровей.

– Я заплачу, – немедленно сказала она, прикидывая, о какой модели iPhone идет речь, насколько это подорвет ее бюджет и придется ли ей воспользоваться кредитной картой. Мужчина не ответил – сунул телефон в карман, поднял валяющийся на дорожке велосипед и подкатил его к краю тротуара. Как она сама до этого не додумалась. Велосипед лежал на дороге, а ей даже в голову не пришло переместить его.

Она подошла к мужчине.

– Нет, правда, давайте я заплачу. Возможно, поблизости есть магазин электроники, который еще открыт, и мы могли бы...

– Перестаньте. – Это прозвучало так категорично, что она сразу осеклась. – Я же сказал, что все в порядке. И потом, мы припарковались на велосипедной дорожке, разве нет? Так что не только вы виноваты.

Придерживая за руль, он чуть подтолкнул велосипед, точно желая побыстрее от него избавиться, и она неловко взяла его.

– Я просто...

Он со вздохом достал из кармана телефон, включил его и показал ей. Экран загорелся, по-прежнему видимый под треснувшим стеклом.

– Убедились? – Это все еще звучало агрессивно. – Работает и все такое. И потом, – продолжил он, игнорируя ее возражения, – у меня скоро заканчивается договор с телефонным оператором. Если меня не напрягает пожить несколько недель с разбитым экраном, то почему это должно напрягать вас. – Это был не вопрос, а утверждение.

– Ладно, – медленно произнесла она. – Если вы уверены...

Проблема была в том, что хотя он и сказал, что все в порядке, но на самом деле по его голосу чувствовалось, что дела обстоят совсем иначе. Джози прикусила губу, пытаясь сообразить, как вести себя дальше.

– Слушайте, спасибо за беспокойство и все такое, но сейчас мне хотелось бы выпить пива, поэтому... – Он не договорил и принялся оглядываться по сторонам, потом раздраженно фыркнул и посмотрел на нее. – Вы случайно не знаете, где здесь паб?

– Я вам покажу! – Энтузиазма в ее голосе было через край, она знала это, но ей ужасно не хотелось, чтобы он на нее злился. Он нахмурился, а Джози решительно кивнула. – Тут есть отличный поблизости. – «Отличный», пожалуй, было сильно сказано, но ей действительно случалось несколько раз по пятницам бывать вместе с Биа в баре за углом. Она пошла в нужном направлении, ведя велосипед и сутулясь от неловкости, а он двинулся за ней.

– Провожать меня не нужно, – пробурчал он, засовывая руки в карманы пальто, похожем на то, что было у Бенедикта Камбербэтча в «Шерлоке» – такое же длинное, серое и дорогое. – Просто укажите, в какую сторону идти.

– Мне нетрудно! – пискнула она, хотя почти наверняка знала, что его мало заботит, затруднит ли ее тащиться вместе с ним. М-да, дело дрянь. Она покажет ему этот чертов паб, и тогда, возможно, ее кармические напасти – или что там еще – прекратятся. Он не предпринимал никаких попыток завязать разговор, сосредоточив, казалось, все свое внимание на тротуаре, а она боролась с угрюмостью, грозившей обосноваться на ее физиономии. Да, конечно, она его сбила и все такое, но зачем устраивать из этого трагедию – она, например, не стала бы. В конце концов, она же не нарочно.

Минуту они шли в полном молчании, и Джози уже сильно сожалела о своем порыве – надо было объяснить ему дорогу и уехать. Она отчаянно пыталась придумать, что сказать, но что можно сказать незнакомому человеку, которого ты только что сбила посреди дороги? Тут требовалась Биа. Случись с ней такое, она в два счета рассмешила бы этого типа.

– А вы... эээ... возвращались домой с работы? – спросила она.

– Нет, – медленно ответил он и посмотрел на нее чуть скептически. Она повела велосипед быстрее. Ну да, если бы он возвращался домой с работы, тогда он знал бы этот район и где находится паб. Но, с другой стороны, он мог быть крутым бизнесменом, или адвокатом, или еще кем-нибудь, мог проживать в большом доме за городом и приезжать в Лондон по делам. И зачем вести себя так грубо – мог бы выказать немного признательности за то, что она хочет его проводить. Джози снова взглянула на него украдкой, но ничего не рассмотрела – все скрывало чертово пальто.

– А вы? – чуть позже поинтересовался он, явно принуждая себя поддерживать разговор.

Она вздрогнула, застигнутая врасплох за попыткой его разглядеть.

– Что?

– Вы возвращались домой с работы?

– Поняла. Нет. – О господи, этот тип, пожалуй, сочтет ее законченной идиоткой. Она кашлянула. – Нет, я ехала по делам.

Она повела велосипед одной рукой, а другую машинально сунула в карман, проверить письмо, и, не найдя его, резко остановилась. Должно быть, она выронила его на дороге и не заметила.

– Все в порядке?

– Да. Извините. Просто... Я собиралась отправить письмо и, похоже, потеряла его.

Ничего страшного, говорила она себе, завтра я напишу другое и отправлю.

– Письмо? – На этот раз его тон был не таким отрывистым, скорее удивленным. – Разве в наши дни еще пишут письма?

– Ну да, почему нет, – она пожала плечами. – Мемо, моя бабушка, всегда пишет письма, хотя технологически очень подкованная. – А о том, что письмо предназначалось не ей, об этом говорить не стоит.

Он посторонился, пропуская бегуна, и чуть помолчал.

– В детстве я пытался сподвигнуть моих школьных приятелей переписываться во время летних каникул, – медленно проговорил он, – но из этого ничего не вышло.

Это было сказано с абсолютно невозмутимым выражением лица, но Джози фыркнула от смеха.

– Правда?

– Угу. Мой тогдашний друг, Джеймс Уинтерборн, сохранил письмо, которое я написал ему, и в сентябре, когда началась школа, зачитал его всем кому не лень.

Она снова рассмеялась.

– Какая низость! И что было в письме?

– Я уже не помню. У меня в памяти застрял сам факт. Я так и не смог его простить.

– Значит, Джеймса Уинтерборна не включили в список свадебных гостей из-за промашки с письмом?

Он встретился с ней взглядом, но не улыбнулся в ответ.

– Именно так.

Черт, наверное, она полезла не в свое дело. Наверное, он был женат и все пошло наперекосяк, или его бросили прямо перед алтарем, или Джеймс Уинтерборн женился на его возлюбленной, или еще что-нибудь.

– А здесь вы какими судьбами? – с натушной веселостью поинтересовалась она, меняя тему. – Вы живете в Лондоне?

– Нет. – Это было произнесено чуть отрешенно, но он помотал головой и, когда заговорил снова, голос его звучал более собранно. – Нет, я вообще-то из Бристоля. Точнее, бываю в разных местах, но вырос в Бристоле и теперь живу там.

– А сюда приехали на Рождество?

– Нет, – он поморщился. – Таких планов не было. – Он провел рукой по растрепанным каштановым волосам, и искусственный свет отразился на них медными бликами. – Сегодня я должен был лететь в Нью-Йорк, но рейс отменили из-за треклятой грозы.

Джози нахмурилась, глядя на небо. Было облачно, и в воздухе висела туманная дымка, но грозы не наблюдалось и в помине. Она перевела глаза на своего спутника, и тот поднял брови.

– Разумеется, здесь грозы нет, – снисходительно произнес он, и она снова покраснела. – А где-нибудь над Атлантикой есть. В любом случае, я в режиме ожидания нового рейса и, похоже, застрял тут.

– Вот засада, – сказала Джози, надеясь, что в ее голосе звучит сочувствие. – И куда вы теперь – вернетесь в Бристоль?

– Нет, надо дожидаться рейса, поэтому я снял номер в гостинице, где останавливался раньше.

Она кивнула и жестом указала на старое здание, по правую руку от себя.

– Снаружи не ахти, но пиво там, по-моему, хорошее, а позади есть симпатичный садик.

– Это кстати, учитывая, что сейчас самый разгар английского лета.

Звучало вроде бы как шутка, если бы он улыбнулся, а так она не была уверена.

– Если вам не нравится, я могу...

– Я не привередлив. Спасибо. – Он повернулся к ней и, достав руки из карманов, протянул ей одну. Обручального кольца не было, так что идея насчет похищенной возлюбленной выглядела вполне правдоподобно. – Кстати, меня зовут Макс.

Она протянула свою, не снимая перчатки. Его рукопожатие было крепким и, хотя Джози, в отличие от Биа, была не кукольного росточка, ее ладонь в сравнении с его казалась маленькой.

– Джози.

Он наконец-то улыбнулся. Точнее, губы у него слегка дрогнули, но этого хватило, чтобы его четко очерченное лицо стало выглядеть менее острым.

– Приятно познакомиться, Джози, хотя обстоятельства нашего знакомства оставляют желать лучшего.

Она поморщилась, хотя в его голосе не слышалось сарказма. Он выпустил ее руку и повернулся уходить, и тут она выпалила:

– А можно я вас угощу?

Он обернулся, сведя брови над своими меняющимися цвет глазами. Джози катала велосипед взад-вперед по тротуару и чувствовала, что покрывается испариной под его внимательным взглядом.

– Я имею в виду, в качестве компенсации. За телефон.

Да, отчасти причина состояла в этом, потому что купить ему выпивку она, по меньшей мере, должна была, но не только в этом. По его словам, он застрял тут. Один в Рождество, хотя не высказал это напрямую. И ей не хотелось, чтобы ему

было одиноко, по крайней мере, в данный момент, когда она отлично знала, каково ему.

Он склонил голову набок, точно обдумывая ее предложение.

– Выпивка в качестве компенсации за телефон... – Он пожал плечами. – Идет.

Она прикусила губу – в его голосе не слышалось энтузиазма.

– Идет?

– Идет, – повторил он с абсолютно невозмутимым видом.

Она закрыла велосипедный замок, уже слегка жалея о своем порыве, потому что темы для беседы, судя по всему, были исчерпаны, и первой пошла в паб. Ей тотчас пришлось стянуть куртку из-за неимоверной духоты внутри – в углу горел камин, а народу было, как сельдей в бочке. Джози направилась к стойке, украшенной зеленой мишурой и цветными лампочками, жалея, что место чужое, лучше бы пойти в знакомое заведение, где хозяин обращается к ней по имени и можно поболтать с персоналом, а здесь она чувствовала себя не в своей тарелке. В Стритеме такой была пиццерия неподалеку от их дома, куда они с Биа частенько наведывались и где официанты приветствовали их вежливо, но с толикой подозрительности, точно недоумевая, а вдруг это у них какая-то тайная пицца-диета.

Девушка за стойкой, чьи волосы были собраны в хвостики, несмотря на то, что ей было хорошо за двадцать, повернулась к ним и, мазнув взглядом по Джози, уставилась на Макса. Потом она расцвела улыбкой, предназначавшейся скорее Макс, и Джози впервые после того, как они зашли в паб, посмотрела на своего спутника. Ну да, он был чертовски хорош собой. Он снял свое пальто а-ля Шерлок и оказался в джемпере графитового оттенка, который довольно плотно облегал его спортивную фигуру. Сейчас, на свету, окончательно стало ясно, что глаза у Макса двухцветные: темно-зеленые у зрачка, они постепенно становились янтарными. Волосы у него чуть растрепались – хотя она не могла сказать, является ли этот взлохмаченный вид естественным состоянием или же следствием недавнего инцидента, – а подбородок слегка оброс щетиной.

– Что желаете? – осведомилась барменша.

– М-м, мне, пожалуйста, бокал красного, – сказала Джози, вопросительно глядя на Макса, который пожал плечами.

– Мне, пожалуй, тоже.

С бокалами в руках они проследовали к маленькому угловому столику, где Джози плюхнулась на диванчик, а Макс пришлось занять стул напротив. Усаживаясь, он поморщился.

– Что не так? – быстро спросила Джози. Если он ушибся при падении, тогда у него есть все основания держать на нее зуб.

Макс приподнял брови, дав понять, что она чересчур беспокоится, и поднял голову к потолку. Джози нахмурилась и тоже посмотрела вверх, но он помотал головой.

– Нет, музыка.

Она прислушалась.

– О, черт. От этих рождественских песенок просто не спрятаться, не скрыться. Остается стиснуть зубы и мысленно отгородиться.

Он встретился с ней взглядом и растянул губы – нет, во весь рот он не улыбнулся и не рассмеялся, боже упаси.

– За это и выпьем, – сказал он, и они чокнулись. Джози сделала глоток. Вино было не настолько хорошее, как то, что принесла Биа, но вполне.

Макс откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел ей в лицо.

– Итак, Джози, поведайте мне, чем вы, велокамикадзе, занимаетесь, помимо того, что тараните пешеходов на дорогах?

Она сделала еще один глоток.

– Вообще-то это моя основная специальность.

– Ага. Тогда понятно, откуда у вас такая сноровка. И что, много платят?

– Чертову тучу. – Его губы снова дрогнули. – Я маркетолог, – призналась она.

– Маркетолог, – задумчиво произнес он.

– Да, работаю в агентстве. – Помолчав, она добавила слегка сдавленным голосом: – В агентстве по связям с общественностью «Павлин».

У него вырвался смешок, и это ее так удивило, что она даже подскочила.

– Агентство по связям с общественностью «Павлин»? Вы серьезно?

– Увы, да.

– И чем вы там занимаетесь?

– Всем подряд, – она махнула рукой. – В настоящий момент осуществляем ребрендинг «люксового» производителя пляжной одежды. – Слово «люксовый» она заключила в воздушные кавычки, а иначе это прозвучало бы очень похоже на то, как говорит Джанис.

Он глубокомысленно кивнул.

– Самое время года для пляжной одежды.

– Представьте себе. Все состоятельные люди отправляются к морю за дозой зимнего солнца и прочим.

– Или за рождественскими подарками, – заметил он.

– Точно.

– А иным хочется выглядеть в Рождество сексуально, в бикини. В качестве альтернативы праздничному платью.

– Верно, – сказала она. – Несколько лет назад мы провели маркетинговое исследование, и выяснилось, что многие британцы садятся за праздничный стол в бикини. Так что тут неосвоенный рынок.

Он кивнул с серьезным видом и отпил вина.

– Гениально. И что, они производят рождественские купальники? Тематические изделия типа Санты, снеговиков и прочего?

– Нет, – засмеялась она, – но я подам эту идею нашим клиентам.

В ее куртке, брошенной на сиденье диванчика, завибрировало, и она сунула руку в карман. Слава богу, ее телефон – в отличие от его – с честью пережил падение. Новый аппарат ей был бы решительно не по средствам.

Ты где? Куда запропастилась?

Биа. Джози быстро написала ответ.

Надо кое-что купить, скоро буду.

Потому что объяснять по WhatsApp, что она сбила прохожего, а сейчас сидит с ним в пабе, как-то не с руки. Даже если Биа сочтет достаточной причиной тот факт, что Макс классный.

– Все в порядке? – спросил Макс.

– Да. Это моя соседка по квартире.

– Она у вас одна?

– Да, последние несколько лет. А вы – живете с кем-то?

Он нахмурился, точно счел вопрос слишком бестактным, хотя сам только что спросил о том же.

– Нет, – медленно произнес он. – В данный момент я один.

Ей снова пришла на ум идея про похищенную возлюбленную, но, прежде чем она успела что-то сказать, телефон завибрировал снова.

Какие, нафиг, покупки? Бросай все и дуй домой. Я пью в одиночестве и в печали.

Джози фыркнула.

Тогда не пей! Тебя завтра с бодуна в самолет не посадят.

Вот именно. Дуй домой и спаси меня от самой себя.

Улыбнувшись, Джози убрала телефон и подняла глаза на Макса: он смотрел на нее так, что у нее на шее выступила испарина.

– Извините. Мне пора. Подруга завтра улетает в Аргентину, и мне надо с ней попрощаться...

– Конечно.

Он посмотрел в сторону бара, где за то время, что они здесь находились, стало не протолкнуться – народ активно прибывал после работы.

– Ну, стоять такую очередь, чтобы пить в одиночку, я не буду.

Он поднялся на ноги и допил вино, а она взяла куртку. Вместе они протолкались к выходу из паба. На улице Джози вдохнула холодный воздух, наслаждаясь ветерком, обдувающим разгоряченный затылок, хотя ее пробирала дрожь.

Макс повернулся к ней, натягивая пальто.

– Ну, спасибо за выпивку. Вы с лихвой компенсировали попытку наезда.

Она сморщила нос.

– Мне действительно очень жаль, правда.

– Правда? Так бы с самого начала.

Она рассмеялась и пошла через тротуар к тому месту, где у фонаря стоял ее велосипед.

– И зачем вам надо в Нью-Йорк?

– Там живут мои родители. Я пообещал, что это Рождество проведу с ними.

Его голос звучал естественно, но что-то в нем слышалось странно знакомое – так она сама говорила о своих планах на Рождество. Хотя, возможно, это ей просто показалось или она себе что-то напридумывала. В любом случае, кто она такая, чтобы спрашивать?

– Они там живут? Вы там выросли? – Джози склонила голову набок. – У вас не американский выговор.

– Нет, я остался верен сексуальному британскому акценту, – улыбнулся он. – Моя мама американка, но, встретив папу, она переехала сюда, а два года назад уговорила его вернуться с ней в Нью-Йорк в качестве компенсации.

Джози занялась велосипедом.

– По-моему, это справедливо. И что вы будете делать, пока здесь? – Она хмурилась, пытаясь открыть велосипедный замок. Не стоило надевать перчатки, ничего толком не получается.

Он стоял, прислонившись к фонарю, и наблюдал, как она возится с замком.

– В моих планах обслуживание в номерах и телевизор.

– Может, пока вы в Лондоне, добавить к ним рождественские забавы?

– Типа «Зимней страны чудес» в Гайд-парке?

– Откуда такая язвительность? – рассмеялась она. – На самом деле все не так плохо. Я не охотница до таких развлечений, но подруга сподвигла меня сходить туда несколько лет назад, и мы здорово повеселились... – Она замолчала. На самом деле весело было только благодаря Биа, которая ужасно радовалась и таскала Джози по всей ярмарке. Но Макс оказался бы там один, без друзей и родных. Она кашлянула, подняла на него глаза и наткнулась на тот же внимательный взгляд. – Там продают напитки и еду, есть каток и еще много чего. И лотки, где можно купить рождественские подарки.

Он медленно кивнул.

– Хорошо. Тогда, я думаю, вам следует составить мне компанию. – Это было сказано ровным голосом, но она все равно вздрогнула.

– Что?

– Я думаю, вам следует составить мне компанию, – повторил он, засовывая руки в карманы. – В качестве компенсации за наезд.

Она глянула на него искоса.

– Но ведь вы сказали, что выпивка все с лихвой компенсировала.

– Я передумал, – он пожал плечами. – Итак, встречаемся в два часа?

– В два?

– Ну да. Потому что, если нам не понравится, то не придется там болтаться целый день.

Она изумленно смотрела на него, не совсем понимая, как оказалась в этой ситуации. Завтра она собиралась смотреть телевизор, плакать из-за Оливера и объедаться шоколадом. Вероятно, именно поэтому она пожала плечами и сказала:

– Идет.

Его губы слегка дрогнули в подобии улыбки.

– Идет?

– Идет, – кивнула она.

Глава 4

– Джози, я тебя не вижу, куда ты пропала?

Джози гневно посмотрела в спину прохожему, который только что налетел на нее, а затем снова подняла телефон и увидела лицо Мемо – и половину лица деда.

– Извини, – сказала она. – Это издержки субботней прогулки по центру Лондона.

Особенно в предрождественскую субботу, когда все носятся в панике или веселятся напропалую, не обращая внимания на встречных и поперечных. Кто бы говорил, думала Джози, стараясь быть объективной: держать перед собой мобильник и следить, куда идешь, – трудновыполнимые задачи, но Мемо настаивала на том, чтобы поговорить по видеосвязи, как было запланировано.

– Детка, ты могла бы постоять на месте, а то твоя голова так дергается, что у меня в глазах рябит.

Джози рассмеялась, переходя дорогу от станции метро «Грин-парк».

– Брось, Мемо, ты не настолько старая. Да и не получится – я опаздываю на встречу.

При мысли о том, с кем она собиралась встретиться, у нее засосало под ложечкой, но она постаралась, чтобы волнение не отразилось на лице.

– С Биа? – поинтересовался дед, заполняя собой весь экран. Мемо тут же цыкнула на него – это была ее территория.

– Нет, не с Биа, – Джози помотала головой. Дед познакомился с Биа несколько лет назад на дне рождения Джози и был ею очарован.

– А с кем тогда? – требовательным голосом осведомилась Мемо, отпихивая деда к краю красного дивана – он был у них, сколько Джози себя помнила, и в том месте, где дед неизменно садился каждый вечер, чтобы смотреть по телевизору местные новости, имелась вмятина.

– У меня есть и другие знакомые, – уклончиво ответила Джози.

– Разумеется, – сказала Мемо. Ее карие глаза, такого же оттенка, как у Джози и какой был у папы, вызывающе блеснули – этот блеск внучка видела всякий раз, когда говорила, что ее обидели в школе. В последнее время этот блеск появлялся слишком часто – судя по всему, Мемо не особенно верила заверениям Джози в том, что ей «страшно нравится жить в Лондоне».

– А где Биа? – поинтересовался дед – на половине его лица, доступной обзору, отображалась легкая печаль.

– Она... – Джози замялась, – на пути в Аргентину.

– В Аргентину! – Мемо с улыбкой провела рукой по своим волосам – седым, потому что я стара, моя милая, скажем прямо, но аккуратно подстриженным в

стиле «боб», для чего каждую неделю навещала в деревенскую парикмахерскую. – А помнишь, Джон, как мы ездили в Аргентину? – Она ткнула в бок деда, который что-то пробурчал в ответ, и снова повернулась к Джози, ожидавшей на светофоре. Джози была почти у цели. В животе снова екнуло, и она молча приказала ему уgomониться. – Это было очень увлекательно, турне по Южной Америке. Я тебе рассказывала об этом, Джози?

– Да, – подтвердила она. К тому времени, когда Джози окончила школу, Мемо рассказала ей все истории, связанные с поездками, в надежде, что она сделает перерыв в учебе, но у Джози не было тяги к путешествиям.

– Пстой, – нахмурилась Мемо, – если Биа уехала, тогда с кем ты будешь встречать Рождество?

– Я... – Джози отвернулась от экрана, делая вид, что смотрит по сторонам при переходе улицы.

– Ты что же... Ты же не собираешься праздновать его с Оливером, нет?

– Конечно, нет. – Джози поморщилась.

Дед пробормотал что-то вроде «Я бы ему все высказал».

– Только не говори, что будешь на Рождество одна-одинешенька в этой крохотной квартирке!

– Мемо, я уже тысячу раз говорила тебе, что мне нравится быть в Рождество одной. – Это лишь отчасти было неправдой, говорила себе Джози, потому что лучше уж быть одной, делая вид, что это обычный день, чем ехать в деревню, где погибли ее родители. – И мне нравится моя квартира, – возразила она.

– Она, конечно, славная, – Мемо взмахнула изящной ручкой, – но, может, к нам, а? Хелен придет, и мы все будем очень рады тебе.

– Не могу, – твердо сказала Джози. – И потом, в сочельник у нас на работе вечер, – добавила она, заранее отmetая любые возражения, которые могла выдвинуть Мемо. – Так что смысла нет. – Она смахнула экран вниз, чтобы узнать

время, и прикусила губу. Такими темпами она придет на место раньше двух, а это недопустимо. Она значительно умерила шаг, что было даже к лучшему – холодный воздух обжигал щеки, но от быстрой ходьбы стало жарко, а приходить на встречу разгоряченной и запыхавшейся ей не хотелось.

– Как так случилось, что Хелен будет с вами на Рождество? Почему она не празднует с семьей Майка?

Мемо закатила глаза.

– Она порвала с Майком, разве я тебе не говорила?

– Да что ты? Неужели? – Майк был третьим мужем ее тетушки Хелен, и Джози надеялась, что на этот раз брак продлится дольше предыдущих. Она вздохнула. – Выходит, ты была права. Сколько ты им давала – полгода?

– Насчет Хелен, моя дорогая, я всегда права – мать все знает про свою дочь. – В разговоре повисла пауза – Джози лишилась матери, и в отличие от бабушки ее мама никогда не узнает все про свою дочь. Потом Мемо улыбнулась, и печаль, возникшая между ними, рассеялась – так эффективно ее прогонять умела только Мемо. – Я говорила тебе, что на днях столкнулась с Пиппой Коуп, мамой Бет Коуп? Ты с ней училась в школе.

– Помню, – отрешенно произнесла Джози.

– Так вот, Пиппа сказала, что Бет снова беременна! Ну не славно ли?

– Конечно, – согласилась Джози, хотя на самом деле последний раз она встречалась с Бет лет в пятнадцать и знать не знала, что у той уже есть ребенок, так что особых поводов для восторгов не было.

– Для детей у нас благодать, как считаешь?

Джози досадливо фыркнула, когда поверх шума и сигналов машин до нее донеслись дребезжащие звуки рождественской песенки. Улицы были запружены людьми, народу все прибывало. Остановившись, она прислонилась к ограде парка. Продолжать разговор по видеосвязи в этой толчее не имело смысла.

– Да, Мемо, для детей там благодать, только у меня их нет, так что давай не будем об этом, о'кей?

– Просто к слову пришлось, – сказала Мемо, слегка вскинув бровь, как бы подчеркивая свою мысль. – Пусть даже так, но в кругу семьи тебе будет веселее, разве нет?

– Мне весело, – автоматически произнесла Джози. Мемо поджала губы и, судя по всему, была готова продолжить эту тему, но тут, к счастью, дед улучил момент и, кряхтя, стал подниматься с дивана.

– Что, дедушка, опять спина донимает? – нахмурилась Джози.

– Она самая, – ответила Мемо. – Сколько раз ему говорила, чтобы не пользовался этой чертовой газонокосилкой-развалюхой, она же тонну весит, но ведь ты его знаешь.

Джози посмотрела вперед, в сторону «Зимней страны чудес».

– Мемо, прости, мне надо бежать, иначе я опоздаю.

– Но мы же не проверили цитату! На этой неделе моя очередь.

– Ладно, – Джози сделала знак бабушке, чтобы та начинала.

Мемо выдержала паузу и драматически воздела руки.

– «То же, что и ей!»

Джози театрально закатила глаза.

– Да ладно, мы его вместе смотрели! – Мемо выжидала. – «Когда Гарри встретил Салли». Это был любимый фильм твоей мамы, – кивнула она.

– Я помню, ты говорила, – улыбнулась Джози. Бабушка и дедушка были родителями отца, но Мемо охотно делилась воспоминаниями и о маме, и Джози

любила ее за это. – А теперь мне действительно пора прощаться, хорошо?

– Ладно, ладно. Люблю тебя, моя дорогая. – Из телефона донесся приглушенный звук. – Дед говорит, что тоже любит тебя, у него печенье во рту.

– Ну вот мы и определились с моим рейтингом: внучка против овсяного печенья. Я вас тоже люблю.

Джози нажала отбой и, сунув телефон в карман, начала проталкиваться к воротам, где они с Максом договорились встретиться.

Макс ждал ее, стоя с небрежным видом и сунув руки в карманы пальто, у заграждения рядом с аляповатой золотистой аркой. На ней красовались слова «Зимняя страна чудес», а по одну сторону возвышался Санта-Клаус в очках, снисходительно улыбавшийся прохожим. Макс еще не заметил ее, что, учитывая толкотню и давку, было неудивительно. Черт, она совсем забыла, сколько здесь бывает народу. Две девушки вступили под арку, и обе обернулись на Макса. Казалось, он не обратил на это никакого внимания, и Джози никак не могла понять, то ли он привык к этому, то ли действительно не осознавал своей привлекательности.

Опустив голову и то и дело поднимая взгляд, она быстро двигалась в его сторону, стараясь избежать неловкости прямого зрительного контакта, когда видишь друг друга издалека, а потом отводишь глаза и снова смотришь, пока не подойдешь вплотную. В отличие от других ожидающих, Макс не вертел в руках телефон, а стоял совершенно спокойно, наблюдая за людьми, проходящими под аркой. Музыка, доносившаяся изнутри, стала слышнее – это была не благозвучная мелодия, а подборка дребезжащих рождественских джинглов, смонтированных воедино и образующих нечто сразу узнаваемое, но трудно определяемое.

Макс увидел ее, когда она была в нескольких метрах, и, развернувшись к ней лицом, вынул руку из кармана и приложил к виску, как бы салютуя.

Подойдя к нему, Джози изобразила радостную улыбку.

– Привет!

Одной рукой в черной перчатке она придерживала сумочку на плече, а другая была опущена, и она совершенно не знала, что ей делать со своими руками, они вдруг стали ей мешать. Все так же улыбаясь, она указала на вход с другой стороны металлического заграждения.

– Пойдем?

Кивнув, Макс обошел вслед за ней заграждение и встал в очередь, которая, к счастью, шла быстро.

– Ну что, улетела ваша соседка? – спросил он, глядя на нее, между тем как они двигались вперед, стараясь держать дистанцию с двумя дутыми куртками и коляской впереди. Волосы у него были по-прежнему растрепаны, а значит, этот кавардак на голове, придававший ему бесспорный шарм, возник не по причине падения.

– Что? А, да, – Джози кашлянула, чувствуя себя идиоткой. – Улетела сегодня утром.

Вспомнив, как Биа в леопардовых сапожках на каблуках в четвертый раз ввалилась в квартиру, объявив, что забыла жизненно важный новогодний аксессуар, а потом, ругаясь на чем свет стоит, запихивала его в битком набитый чемодан, Джози улыбнулась. Ее багаж явно весил больше двадцати трех дозволенных килограммов, но, когда Джози попыталась сказать об этом, Биа только отмахнулась. Да ерунда все это, Джоз, конечно, меня пропустят. И Джози не сомневалась, что именно так будет – Биа как-то уболтает на регистрации, чтобы обошлось без доплаты за перевес.

Младенец в коляске завозился, наполнив установившееся между ними молчание плачем и воплями, и одна из Дутых Курток склонилась над коляской, отчаянно пытаясь убедить малыша, что все в порядке. Потом Дутая Куртка обернулась, и оказалось, что она принадлежит блондинке с короткой стрижкой каскадом. Женщина повела глазами по сторонам и с извиняющимся видом улыбнулась Джози – та улыбнулась в ответ, выказывая понимание. Интересно, родители брали ее с собой в такие места, когда она была малышкой? Вероятно, да, потому что запах сахарных орешков с рождественских рынков неизменно навевал

смутные мысли о веселье, горячих напитках и бабочках в животе. То было одно из многих позабытых воспоминаний о родителях – воспоминаний, выветрившихся из ее неокрепшего мозга, прежде чем они успели схватиться, несмотря на усилия Мемо.

Когда раздраженная кассирша в рождественской шапке нетерпеливо подала им знак подойти, Джози и Макс двинулись с места одновременно. Кассирша злобно взирала на них, явно жалея, что подписалась на эту треклятую праздничную работенку.

– Эээ... – Джози замялась и посмотрела на Макса. Она не знала, сколько билетов брать – один или два. Предполагается, что она заплатит за него?

– Два билета? – подсказала кассирша, глядя на Джози, как на придурочную.

– Да, пожалуйста, – сказал Макс, доставая из кармана пальто бумажник. При виде этого потертого бумажника и кучи торчащих из него карточек, квитанций и бумажек Джози сморщила нос. Как он там что-то находит? Макс протянул кредитную карту, и кассирша, не поднимая глаз от экрана, выдала им билеты.

– Сейчас, – сказала Джози, роясь в сумочке, – кажется, у меня были наличные, одну минуту.

Помотав головой, Макс опустил бумажник в карман и, ловко маневрируя и даже не дотрагиваясь до Джози, отвел ее в сторонку от трех девиц, устремившихся к кассе.

– Бросьте, не надо.

Джози замялась, но потом кивнула и улыбнулась в знак признательности, решив, что настаивать будет невежливо. Она заправила за ухо непослушную прядь волос, жалея о том, что послушалась Биа и надела шапку. День, конечно, был холодный, но пар изо рта не шел, небо – чистое, и солнце согревает прохладный воздух. Вскоре, когда солнце зайдет, шапка, перчатки и шарф будут кстати, но сейчас, когда они двигались по импровизированной аллее ярмарки, где по обе стороны стояли палатки с едой, Джози было жарко. Но снять шапку тоже был не вариант, потому что волосы, конечно же, примялись, о чем Биа, само собой, не подумала, когда этим утром перед отъездом обряжала ее в шикарный зимний

наряд.

Макс шел в своем темпе, размашистым, хоть и вальяжным шагом, и ей казалось, что она должна бежать, иначе не успеет за ним.

– Итак, – он посмотрел на нее с высоты своего роста, – куда теперь?

– Может, на каток? – запыхавшись, предложила она.

– На каток... – Макс сразу нахмурился, и Джози очень захотелось стиснуть зубы. Это была его дурацкая идея пойти вместе, так что мог бы, по крайней мере, изобразить энтузиазм.

– Да, – более уверенно сказала она. – На каток. – Она снова заставила себя улыбнуться. – Будет здорово! – Может, заодно лед отчуждения сломаем, подумала она про себя, радуясь каламбуру, хотя произносить его вслух не стала. – Думаю, нам сюда. – Она решительно направилась в нужную сторону, игнорируя его скептическую физиономию.

– Я вообще-то не настолько хорошо...

– Неважно! – Ее голос звучал так же натужно весело, как у продавщицы, кипящей энтузиазмом, но она ничего не могла с собой поделать. – Все дело в практике, – настаивала она. В любом случае это лучше, чем прогуливаться в неловком молчании.

Они пришли на каток к началу очередного «сеанса», по словам толстячка-распорядителя, им повезло. В раздевалке они переобулись, и Джози ее белые пластиковые коньки оказались впрыток. До начала сеанса оставалось пять минут – они неловко проковыляли к краю катка, при этом Макс корчил рожи, а затем навалился на бортик, наблюдая за катавшимися из предыдущей группы.

Джози разглядывала светловолосую девчушку, на вид лет семи-восьми, которую возил по льду отец – лицо у нее было сосредоточенное, ноги почти не двигались, она пыталась держать равновесие. Когда девчушка споткнулась и, широко раскрыв глаза, ухватилась за отцовскую руку, Джози улыбнулась. Отец чуть засмеялся, что-то сказал дочери, и они снова начали медленно кататься.

Джози почти бессознательно потеряла шрам на левом запястье, скрытый перчаткой. Как-то она каталась на льду вместе с родителями. То был крытый каток, совсем не такой, как этот, но отец поддерживал ее так же, как эту девочку. Ей помнилось, что папе почему-то пришлось уйти с катка, и он перепоручил ее маме. Поначалу она отказывалась кататься с мамой, говорила, что с ней не так хорошо, как с папой, но ее уговорили, развеселили, растормошили. А потом, как Джози того и боялась, мама упала. И вместо того чтобы выпустить руку Джози, она, стараясь удержать равновесие, ухватилась за нее и увлекла дочь за собой. Все страшно разволновались, потому что Джози не произнесла ни звука, даже не заплакала, когда ударились рукой о лед. Сначала думали, что у нее сломано запястье, но оказалось, что это растяжение. На память о том дне на руке у нее остался круглый шрам, но это помогло ей научиться различать право и лево.

– Джози? – Услышав свое имя, она слегка вздрогнула и подняла глаза на Макса, который внимательно смотрел на нее. – Все в порядке?

– Да. – Она улыбнулась, стараясь прогнать приступ меланхолии. – Простите, задумалась.

– Сейчас запускают на каток, так что если вы хотите... – Он махнул в сторону выхода на лед.

– Да. Да, конечно, пойдем.

Неуклюже переступая, Джози направилась к выходу, радуясь тому, что не одна она выглядит так, точно идет на ходулях.

– С вами точно все в порядке? – Макс, спотыкаясь, следовал за ней, держась за бортик, чтобы удержать равновесие. Черт, и это они еще на лед не вышли.

– Абсолютно, – отмахнулась она. Потому что на первом свидании объяснять, что ее посетили воспоминания о покойных родителях, это явно перебор. Впрочем, никакое у них не свидание, твердо сказала она себе. Макс, конечно, привлекательный, но, похоже, никогда не смеется, а это никуда не годится. И потом, она буквально вчера рассталась с Оливером.

Джози первой ступила на лед и сразу прижалась к бортику, чтобы дать дорогу Макс. Повернув голову, она наблюдала за тем, как он осторожно, глядя себе под ноги, двинулся следом. На лице у него было такое отчаянно сосредоточенное выражение, что она засмеялась – он поднял на нее глаза и робко улыбнулся в ответ.

– Я пытался донести до вас, что не мастак в этом деле.

Она только покачала головой, по-прежнему улыбаясь, и отважилась сделать еще несколько неуверенных шажков вперед. Большинство катающихся уже были на льду, а те, что жались к бортам, все как один, были младшими школьниками.

Джози обернулась на Макса.

– Ну, смелее, у нас все получится.

Она слегка оттолкнулась и попробовала подражать женщине, ехавшей впереди. Правая нога, левая нога, правая, левая. Макс двигался следом – она видела его боковым зрением, но оборачиваться не посмела из страха отвлечься.

На половине круга она потеряла его из вида. Тогда она опасливо повернулась и, чуть не упав, замахала руками. Судя по всему, Макс действительно упал – она увидела, как он поднимается на ноги, на другой стороне катка, и поморщилась. Класс. Надо было к нему прислушаться, когда он не выказал энтузиазма. Но к тому моменту, когда она сделала первый круг, он уже стоял на ногах, прижимаясь к бортику. Она встретила с ним взглядом, а он вопросительно поднял брови, когда она направилась к нему, размахивая руками, потому что понятия не имела, как остановиться. Она врезалась в бортик и помимо своей воли рассмеялась. Он тоже улыбнулся – его лицо осветилось, возле глаз появились «лучики», смягчившие их выражение. Волна облегчения, накрывшая ее, была почти опьяняющей.

– А вы профи, – сказал он и снова улыбнулся.

Она откинула волосы театральным жестом.

– Да, я должна была выступать на чемпионате в 2012 году, но карьера на ниве маркетинга этому помешала.

– Несостоявшаяся чемпионка, – он покачал головой с притворной печалью.

– И не говорите, – она склонила голову набок. – Вы в порядке? Я видела, что вы упали.

Он поморщился.

– От вас не спрятаться, не скрыться. Я в порядке, просто равновесие – не мой конек.

Они прислонились к бортику, удостоившись негодующего взгляда малышки лет четырех, которой преградили круговой маршрут. Макс взял Джози за руку и аккуратно вывел на лед, после чего сразу отпустил ее руку. Мимо них, к центру катка, проехала пара лет двадцати с небольшим – их движения были идеально слаженными, ее голубое пальто идеально гармонировало с его серым.

– Как из рекламы кока-колы, – пробормотал Макс, тоже наблюдая за ними, и Джози рассмеялась, вызвав на его лице улыбку – невольную, как ей показалось.

– Ну что, поехали, – сказал он, протягивая руку.

Она шутливо оттолкнула ее.

– За вас я держаться не буду, вы меня опрокинете.

В точности, как мама, подумала она про себя, хотя сейчас улыбнулась при воспоминании.

Они попробовали сделать еще круг, но потом Макс объявил, что катание – тяжкий труд и необходимо сделать перерыв. Выходя из раздевалки, они по-прежнему улыбались, хотя до конца сеанса оставалось еще целых сорок пять минут, и Джози чувствовала, что лед тронулся, и вроде бы им удалось слегка преодолеть изначальную неловкость. И, как она себе призналась, тот факт, что он способен развлекаться, немало тому способствовал.

– Что теперь – глинтвейн? – поинтересовался Макс. – Это очень в рождественском духе, так?

– Так, – согласилась Джози, кивая. Они посмотрели на палатки, явно не зная, с которой начать.

– По стаканчику из каждой, – объявил Макс и направился к ближайшему домику, из которого по мере приближения все сильнее пахло корицей и апельсиновой цедрой. Он протянул ей фирменный стаканчик «Зимней страны чудес», и они пошли дальше, уже по торговым рядам, потягивая глинтвейн. Даже Джози, которая в прошлом давала себе зарок не залипать на эту белиберду, не могла оторвать взгляд от милых безделушек – красивых сережек и поделок из дерева.

Когда Макс направился к следующей палатке с напитками, чтобы взять еще по стаканчику, Джози проверила телефон и увидела сообщение от Биа.

Развлекаешься? Ему понравился мой наряд?

Все отлично. Наряд понравился, осыпал комплиментами.

Я знала!!! Фотку пришли. Хочу на него глянуть.

Джози фыркнула, но когда Макс вернулся, тайком сфотографировала его и отправила снимок Биа. В ответ пришли три смайлика с глазами-сердечками.

– У них глинтвейн с джином, Джози, – с преувеличенным изумлением объявил Макс. – Там вишня, корица, а остальное я не помню, но подумал, что мы должны попробовать.

Вспомнив слова Биа о глинтвейновом пойле, Джози чуть улыбнулась, но взяла стаканчик и понюхала, прежде чем пробовать. На вкус оказалось неплохо, но гораздо крепче глинтвейна. Они миновали цветочную палатку, и Макс снова

отлучился, а вернулся с розой. Укоротив стебель, он заправил розу ей за ухо, прикрепив кончик шапкой.

– В знак благодарности за то, что привели меня сюда, – сказал он и пожал плечами, мол, сущие пустяки, но Джози невольно провела пальцами по лепесткам и выше, где он коснулся ее уха.

– Ну что, какие планы? – спросила она, отчасти чтобы скрыть румянец, который, конечно же, проступил на щеках. – Мы могли бы...

– Джози! – вопль, раздавшийся справа, заставил ее замолчать, и, повернувшись, она увидела Клэр Бертон собственной персоной, которая мчалась к ним, раскинув руки, с развевающимися за спиной рыжими волосами. – Я так и знала, что это ты! – Она буквально напрыгнула на Джози и стиснула ее в объятиях. – Сколько лет, сколько зим, поверить не могу, что мы вот так столкнемся.

– Мы? – слабо спросила Джози.

– Ну да, я с Оливером, он там, покупает напитки. – Клэр, не глядя, махнула рукой за спину. Ну, классно, подумала Джози. Просто умереть – не встать. Разумеется, ее угораздило столкнуться с бывшим на этой треклятой рождественской ярмарке. Клэр посмотрела на Макса и, не дожидаясь, чтобы ее представили, затараторила: – Да, я вытащила его сюда, чтобы подбодрить после... – Она закашлялась, бледные щеки слегка порозовели. Впрочем, это ее не остановило – Джози по собственному опыту знала, что остановить старшую сестру Оливера было непростой задачей. – Он совершенно раздавлен после вашего разрыва, Джоз. – Клэр бросила взгляд через плечо и понизила голос. – Он впал в такую хандру, что я прямо даже не знаю. Все бы отдала, лишь бы вы снова были вместе, ты так хорошо на него влияешь, наставляешь на правильный путь.

– Он переспал с другой, Клэр, – коротко сказала Джоз. Краем глаза она видела, что при этих словах Макс поднял брови, но ничего не сказал.

Клэр поморщилась и принялась теребить посекшиеся кончики волос.

– Да, конечно, – быстро сказала она. – Конечно, я не говорю, что ты должна его простить прямо сейчас или вообще, – быстро добавила она, заметив выражение лица Джози. – Просто я, ну... – Она замолчала, а у Джози засосало под ложечкой.

Не следовало быть с ней настолько резкой – Клэр не виновата, что ее братец решил променять их отношения на пару сногшибательных каблуков и красное платье в обтяжку.

Клэр повернулась, махнула рукой, и Джози увидела, что к ним направляется Оливер – волосы, как всегда, идеально уложены, грудь, как всегда, колесом. Она отчаянно пыталась придумать какую-нибудь фразу, предлог, чтобы они с Максом могли уйти до его прибытия, но ничего не приходило на ум. Она подняла глаза на Макса, но тот ничего не говорил, только переводил взгляд с Оливера на нее. Тоже мне, помощничек. Клэр снова повернулась к ним и на этот раз посмотрела на Макса.

– Я, кстати, Клэр, – улыбнувшись, сказала она.

– Ладно, – быстро проговорила Джози, чувствуя жар в затылке, – ты, Клэр, извини...

– Джози? – Слишком поздно. Оливер уже был тут, стоял как вкопанный, руки под прямым углом, в каждой – по стаканчику с дымящимся напитком. – А ты что здесь делаешь? – Это прозвучало как обвинение, точно она спланировала все заранее, чтобы испортить ему веселье.

Она заправила прядь за ухо, отчего роза сместилась и пришлось водворять ее на место. Оливер проследил за ее движением и, увидев розу, нахмурился, стрельнул глазами в Макса, который просто стоял, сунув руки в карманы, с доброжелательным выражением на лице.

– Да вот, – уклончиво сказала Джози, думая, куда бы направить взгляд и останавливая его на кадыке Оливера, – решила выбраться в город.

– Но ты все это терпеть не можешь, – хмурясь, проговорил Оливер.

– Вот как? – вскинул брови Макс.

Клэр и Оливер тотчас, как по команде, уставились на него – он впервые открыл рот, и игнорировать его теперь было невозможно.

– Я, ну... – Джози кашлянула.

Оливер пристально смотрел на Макса, поднимая взгляд все выше, и Джози поняла, что он мысленно прикидывает разницу в росте между ними. Макс улыбнулся милой, обезоруживающей улыбкой, которую, очевидно, приберегал для посторонних – для всех, кроме нее, – и протянул руку Оливеру:

– Макс, – сказал он.

Оливер мгновение удивленно смотрел на протянутую руку, потом засуетился со стаканчиками, которые держал, и несколько секунд передавал Клэр ее напиток.

– Отлично, – сказал он, пожимая руку Максу и, по-прежнему глядя исподлобья то на него, то на Джози. – Отлично, я...

– Оливер, – добродушно сказал Макс. – Я понял. – Джози вздрогнула, ощутив плечами тяжесть приобнявшей ее руки. – Рад, что мы наконец-то встретились. – Джози подняла глаза на Макса, отчаянно стараясь не выглядеть напряженной и скованной, но он ничем не выдал себя, продолжая доброжелательно улыбаться Оливеру. – Разумеется, я о вас наслышан.

Оливер нахмурился сильнее, отчего его лицо стало казаться еще более угловатым. Клэр по-прежнему улыбалась, но выглядела неуверенной и бросала взгляды в сторону трех стоящих по соседству ларьков, где продавались рождественские украшения, бижутерия и картинки, очевидно раздумывая над тем, как бы сменить тему встречи, которую она сама организовала.

– Неужели? – поинтересовался Оливер, на этот раз глядя на Джози, которая пыталась изобразить на лице не то улыбку, не то раскаяние, и в конце концов как-то странно дернула головой.

– Ну да, – продолжал Макс. – Ушам своим не поверил, когда Джоз сказала мне, что вы расстались.

Джоз? Она снова отважилась поднять глаза на Макса, но он не смотрел на нее.

– Прошу прощения, – отрывисто произнес Оливер, – но кто вы такой?

– Макс, – медленно сказал тот, и Джози с трудом подавила совершенно неуместное желание хихикнуть – очень уж снисходительно это прозвучало.

– Да, но... – раздраженно начал Оливер.

Макс чуть отодвинулся от Джози, чтобы взглянуть на нее с возмущенным видом. Джози слегка покачала головой и тоже постаралась изобразить возмущение.

– Ты не рассказала ему про меня?

– Я... э-э-э... – кашлянула Джози.

– Мы с Джози давние друзья, – продолжил Макс, слегка пожимая ее плечо в качестве подтверждения. – Познакомились в клубе, я не помню, когда именно, Джоз, а... – Он посмотрел на нее, его губы дернулись, точно он ждал, что она закончит его фразу.

– Э-э-э... лет пять назад? – высказала предположение Джози, делая глоток джина, который уже порядком остыл.

– В клубе? – Оливер посмотрел на сестру, которая только пожала плечами и принялась изучать содержимое своего стаканчика.

– Ну да, – весело произнес Макс, – названия уже не помню, но мы классно потусили и с тех пор друзья не разлей вода. Неужели она никогда обо мне не говорила? – Он закатил глаза, точно говоря «да быть того не может!», а Джози усиленно старалась сохранять серьезный вид.

– Нет, – коротко сказал Оливер. – А мы встречались два...

– Года, – кивая, высказал Макс совершенно очевидное предположение. – Да, я в курсе. Я в основном живу в Нью-Йорке, переехал туда несколько лет назад, но мы с Джози были на связи. Я надеялся познакомиться с вами в этот приезд, а оно вон как, – он поджал губы, и Оливер покраснел. Клэр сделала очень большой глоток, поперхнулась, но, когда Оливер попробовал стукнуть ее по спине, отмахнулась. – Я в Лондоне ненадолго, – продолжал Макс, – и вот решил вытащить Джози сюда. – Он подмигнул Клэр, намекая на фразу, которую та

недавно произнесла, и она слабо улыбнулась в ответ, утирая рукой подбородок. – Заряжаемся рождественским настроением, – он поднял стаканчик с джином.

Оливер молча смотрел на Макса, потом перевел взгляд на Джози, которая изо всех сил старалась выглядеть естественной, жалась к Максу и чувствовала, как тепло его тела доходит до нее сквозь ткани их пальто.

– Джози, что?..

Но Макс достал из кармана телефон и с деловитым видом взглянул на часы.

– Взгляни-ка сюда, Джоз, – выразительно проговорил он, сунув телефон ей под нос и тыкая в верхний угол, где были часы.

– Вот черт, – сказала она, стараясь, чтобы прозвучало правдоподобно. – Нам... э-э-э... лучше поторопиться, иначе мы опоздаем...

– В Ледяной бар, – пришел на помощь Макс, спасая ее от необходимости что-то придумывать. Он похлопал по плечу Оливера, который явно, хотя и не очень успешно, пытался сдержать раздражение. – Рад был наконец-то познакомиться, – добавил он, посылая последнюю победительную улыбку Клэр, которая невольно просияла в ответ, но под взглядом брата сразу сделала серьезную мину.

– Пока! – на прощание крикнула Джози, когда Макс, схватив ее под руку и увлекая за собой, рванул намеренно в другую сторону – возможно, Ледяной бар находился действительно там, а может, и нет, она не знала.

– А ты действительно жил в Нью-Йорке? – шепотом поинтересовалась она, хотя, учитывая шум, в шепоте не было необходимости.

– Не-а. Как я уже говорил, там сейчас живут мои родители, поэтому я ездил туда несколько раз, но подумал, что проживание за границей – самый правдоподобный вариант, иначе как объяснить, почему мы никогда не встречались?

Джози помолчала, а затем, не в силах больше сдерживаться, захохотала. Макс остановился и посмотрел на нее, а она, отняв руку, ухватила за бок, покатываясь от смеха и не понимая, что именно ее так насмешило. Губы Макса слегка дрогнули.

– Мне показалось, тебя надо выручать, – сказал он.

– Да, – согласилась Джози, все еще смеясь. – Да, спасибо, это было... – она выпрямилась и широко улыбнулась ему, вспоминая ошарашенное выражение на физиономии Оливера, – феерично! – И, вздохнув, допила остатки джина. – Он изменил мне, – пояснила она, оборачиваясь и проверяя, не идут ли они следом.

– Я понял.

– На рождественском корпоративе.

– Ой.

– С нашей общей коллегой. Карой.

– Ну и сука, – он покачал головой.

У нее вырвался смешок.

– Это скорее его вина, чем ее, но тем не менее. – Она вздохнула. – Словом, спасибо еще раз.

– Пожалуйста. – Он посмотрел назад. – Все это... с бывшими... мне знакомо. – Она посмотрела на него. Впервые он что-то сказал о себе по собственной воле. – Моя девушка... Она меня бросила в этом году.

Джози медленно кивнула.

– Когда?

– В мае.

Она снова кивнула. Возможно, он до сих пор переживает, если действительно любил ее. Возможно, этим отчасти объясняется, почему он был так резок с ней поначалу. Из-за этого и из-за велосипеда. Ей хотелось расспросить подробнее, но Макс уже принял деловитый вид.

– Ну что, в Ледяной бар?

– Можем попытаться, – Джози пожала плечами. – Но вряд ли попадем, Биа точно говорила, что там надо заказывать заранее.

– Я их уболтаю, – Макс снова взял ее под руку и, когда она вопросительно посмотрела на него, сказал: – А вдруг они все еще нас видят.

Каким-то образом ему действительно удалось договориться, чтобы их пустили в Ледяной бар, но что именно он сказал, Джози не знала, потому что ждала в сторонке. Там они, облаченные в эскимосские дождевики – камлейки, накатили еще несколько стаканчиков, после чего навеселе, нетвердыми шагами направились к выходу. Уже стемнело, и Джози невольно призналась себе, что прогулка удалась – ярмарка переливалась огнями, ноздри щекотали ароматы каштанов, специй и сладкой ваты, в импровизированных барах, мимо которых они проходили, царило оживление.

Возможно, причиной тому было приятное опьянение, но в тот момент она действительно понимала, почему люди веселятся. Она улыбалась Макс, который сиял улыбкой ей в ответ и, держась с ней за руки, размахивал ими при ходьбе. Таким он стал после столкновения с Оливером, точно решил, что у них есть кое-что общее – бывшие, о которых нужно забыть. Она улыбнулась при мысли, что Оливер, сам того не подозревая, сделал увлекательным ее маловразумительное свидание.

– Ты как, на Рождество уезжаешь из Лондона? – осведомился Макс.

Улыбка невольно пропала с ее лица.

– Нет. В этом году я останусь здесь.

Что бы Джози ни говорила Мемо, но при мысли о том, как она, сидя у наряженной подругой елочки, будет в одиночестве поедать еду из доставки, ей стало тошно – даже у доставщиков Рождество лучше, ведь им, по крайней мере, платят. Она попыталась подумать о чем-то другом и сказала с натужной веселостью в голосе:

– Но до этого мне предстоит рождественский шопинг. Это кошмар.

– Не удовольствие? – Он посмотрел на нее.

Она поморщилась.

– Ну, обычно я все заказываю онлайн в сентябре, но в этом году я... этого не сделала. – Причину можно не объяснять: Оливер упорно твердил, что они займутся этим вместе, настаивал, что ей надо быть более креативной, что нельзя заказывать все онлайн, потому что это обезличенное. А теперь ей придется провернуть все в один день, до появления тетушки Хелен, которая каждый год приезжает за подарками для себя и для бабушки с дедушкой. Когда они проходили под аркой на выходе с ярмарки, оставляя за собой сияющие огни, она вздохнула.

Макс отпустил ее руку, и даже сквозь перчатки она ощутила, что ей стало холодно. Он повернулся к ней, глядя в лицо изучающим взглядом.

– Знаешь, а ведь я специалист по рождественскому шопингу – вот такая удача.

– Да ты что? – Она склонила голову набок.

– Да-да, – с важным видом кивнул он. – Как насчет завтра? Хорошо проведем время, и я помогу тебе.

– В самом деле? – нахмурилась она.

– Конечно, почему бы нет?

Она заправила за ухо все ту же непослушную прядь.

– А разве... у тебя нет других дел? Дело не в том, что я не хочу твоей компании, – быстро сказала она, опасаясь, как бы это не прозвучало так, будто она пытается от него отделаться. – Просто... шопинг, особенно рождественский – это не мое.

Впечатление было такое, что он вот-вот улыбнется, но вместо этого намеренно сделал строгое лицо.

– О'кей, будем считать, что ты меня предупредила. Но учитывая тот факт, что большинство моих приятелей или в Шотландии, или в Бристоле, а родные – в Нью-Йорке, то либо я попрошусь тебе в компанию, либо засяду с ящиком пива в гостиничном номере, а пить днем – дурной тон.

– Ну если так, тогда ладно, – рассмеялась Джози.

Глава 5

– А как тебе это? – поинтересовался Макс, подавая шапочку для душа, украшенную божьими коровками.

– Сомневаюсь, что бабушка пользуется шапочками для душа.

– Что ты такое говоришь? Все пользуются шапочками для душа.

– Даже ты? – вскинула брови Джози.

– Особенно я. – В доказательство он нацепил на себя шапочку, и Джози прыснула от смеха, чем заслужила укоризненный взгляд от стоящей рядом дамы средних лет, изучающей несессеры для туалетных принадлежностей. Впрочем, даму можно было понять. Обычно таким негодующим взглядом Джози сама смотрела на всех, кто осмеливался веселиться в битком набитом магазине накануне Рождества. Ну, хорошо, может, и не смотрела, но всякие гадости она при этом точно думала.

Джози глянула на ценник.

– Сорок пять фунтов? – изумилась она. – За шапочку для душа?

– Но ты только посмотри, какие на ней прелестные божьи коровки, каждая стоит не меньше пятерки. – Точно в подтверждение своей мысли Макс потрогал одну из вышеозначенных божьих коровок, потом пожал плечами и вернул шапочку на место. – Хорошо, может, и нет.

– Ты, кажется, говорил, что ас в этом деле, – ухмыльнулась Джози.

– Я разве виноват, что у тебя нет вкуса? – Он двинулся дальше и, проходя мимо дамы средних лет, которая упорно его игнорировала, вежливо поклонился. Джози последовала за ним, ловко маневрируя по проходам, чтобы ненароком не сбить что-нибудь с полки своими пакетами. Стыдно признаться, но за восемь лет в Лондоне она впервые оказалась в роскошном универмаге «Фортнум и Мейсон». Зайти туда предложил Макс, чтобы просто «посмотреть», и Джози пришлось признать, что здесь красиво. На каждом этаже стоит изумительно украшенная елка в определенной цветовой гамме, на ближайшей к ним – синие и серебряные шары с затейливым узором. С точки зрения Биа, очень уныло, иронически подумала Джози. Прямо над ними с потолка свисал гигантский золотой полумесяц, а вокруг него на нитках разной длины мерцали золотые звездочки. Несмотря на обилие вспотевших людей, в магазине стоял сладковатый шоколадно-цветочный запах.

– О'кей, – Макс обернулся, проверяя, что она по-прежнему следует за ним, – давай поступим так. Расскажи мне про свою бабушку.

– А что, тебе не надо делать покупки? – Джози признавала, что в ее голосе слышится нытье, но ничего не могла с собой поделать. Макс взялся за дело с жаром и стал еще общительнее, точно решил с самого начала по какой-то неведомой причине быть просто душкой. Весь день он фонтанировал энергией и укатал ее вконец с этим шопингом. Деду она прикупила симпатичные садовые перчатки и табличку с надписью «Мой сад – мои правила», Хелен – подарочную карту в магазин брендовой косметики «Спейс НК», рассудив, что непременно ошибется с выбором, если купит что-то конкретное. Оставалась Мемо – выбирать подарки бабушке всегда было самой сложной задачей, несмотря на то что ее она знала очень хорошо.

– Не-а, – легкомысленно отозвался Макс и, притормозив у шарфов, вопросительно посмотрел на Джози. Она помотала головой. Она уже дарила Мемо шарф два года назад. – Я свои давным-давно сделал.

Джози фыркнула, чувствуя, что он над ней подтрунивает.

– Ты такой организованный?

Макс широко улыбнулся, судя по всему, находя ее досаду невероятно забавной – и действительно, по мере того как убывал энтузиазм Джози, он, казалось, радовался все больше, точно дал себе установку не поддаваться ее настроению. Или, возможно, потому что в отличие от двух предыдущих встреч сегодня она не принуждала себя быть веселой, и он решил взять эту роль на себя.

– Обычно нет, – признался он. – Просто в этом году я знал, что и кому хочу подарить.

Джози посторонилась, уступая дорогу женщине с коляской – та остановилась поднять игрушку, которую бросил малыш. Они переходили в другую часть магазина, где музыка звучала громче – очевидно, рядом находился усилитель.

– В этом году? А что такого особенного в этом году?

– А? – Он нахмурился, точно отвлекшись на что-то, но, посмотрев в том направлении, она ничего не увидела. – Да так, ничего особенного, – отмахнулся он. – Просто у меня были конкретные идеи, только и всего.

– Вся твоя семья будет в этом году в Нью-Йорке? – Джози поставила на пол пакеты с подарками и провела рукой по волосам. Она тоже взмокла, но не решалась снять пальто, зная, что его придется снова надеть, как только они выйдут на улицу.

Макс взял в руки фоторамку, рассмотрел ее со всех сторон и поставил назад. Джози задавалась вопросом, действительно ли ему нравится ходить по магазинам или все это напускное, как ее энтузиазм на вчерашней ярмарке. Если это притворство, думала она, тогда у него получается гораздо лучше, чем у нее.

– Да, мои родители и сестра.

– Сестра?

Он взглянул на нее, улыбнулся, и в уголках глаз появились те самые лучики, от которых его взгляд теплел.

– Да. Моя малышка, – усмехнувшись, сказал он и, заметив ее слегка недоуменную улыбку, пояснил: – Она ненавидит, когда ее зовут малышкой, и это, пожалуй, понятно, учитывая, что ей двадцать семь. Она на четыре года младше, но вечно меня опекает. – Когда Макс заговорил о сестре, его голос смягчился, а глаза стали чуточку печальными. Джози внутренне сжалась – она, конечно же, напомнила ему, что он застрял по эту сторону Атлантики, вдали от семьи. – А ты, – уже более твердым голосом произнес он, – явно стараешься отвлечь нас от текущей задачи. От твоей бабушки. Приступай.

– Я не знаю, – посетовала она. – Бабушка... – Джози взмахнула рукой, – стильная, пожалуй. Любит печь, хотя на самом деле у нее ужасно выходит – никогда не следует рецепту, но не отчаивается. – Джози вспомнила, как подростком возвращалась домой из школы, где ее ждали твердокаменные печенья или бисквит, отдающий яйцами.

Макс наморщил лоб и резко рванул в другом направлении, так что Джози пришлось срочно хватать пакеты. Попутно она опрокинула ближайшую фоторамку, пробормотав извинения, хотя продавца поблизости не было. Она догнала Макса у отдела товаров для дома и зыркнула на него за необоснованную резвость – ведь шопинг предполагает неспешность, разве нет? Судя по тому, как народ рыскал по полкам, пожалуй, нет. Именно поэтому Джози предпочитала делать покупки онлайн, с запасом времени на возврат, если товар не подошел.

Где-то в глубине ее сумки запищал телефон – она выудила его, ожидая увидеть сообщение от Биа, которая до сих пор не подтвердила, что добралась до места в целости и сохранности, хотя приземлилась несколько часов назад. Ее сердце екнуло, когда на экране высветилось другое имя – Оливер.

Мы можем поговорить? Пожалуйста.

Джози сердито смотрела на телефон. Наверное, после вчерашней встречи Оливер пытается понять, а вдруг она заменила его на Макса. Ну, ему же хуже. Сначала ей хотелось ответить односложным «Нет», но потом она решила пока что проигнорировать сообщение. В какой-то момент ей все равно придется поговорить с ним, и, возможно, будет лучше покончить с этим разом, чтобы он перестал задавать вопросы, а пока она будет радоваться тому, что не изводит себя мыслями о нем – она имеет право отвлечься, так ведь? И Макс идеально для этого подходит.

Она все утро твердила Макс, что не станет ничего покупать в «Фортнум и Мейсон» и в итоге приобрела для Мемо чайный сервиз – бело-бирюзовый с золотистым ободком. Она слегка вышла из бюджета, но бабушка была достойна чего-то особенного – из-за того ли, как Макс рассказывал о сестре, или из-за воспоминаний о бабушкиной стряпне, но на Джози нахлынули ностальгические чувства. Она было засомневалась, подойдет ли сервиз к ее кухне, учитывая, что она давно там не появлялась, но сомнения были на пустом месте, ясно же, что он подойдет ко всему.

– Да, думаю, ей понравится, – решительно произнесла Джози после того, как расплатилась и взяла из рук продавщицы пакет. – Хотя наверняка трудно сказать – она мастерски держит лицо.

Макс рассмеялся.

– Ты будешь с ними на Рождество?

– Нет, – не сразу призналась Джози, – но в рождественский сочельник мы вместе открываем подарки по видеосвязи. Это своего рода ритуал.

Он возник по инициативе Мемо, когда Джози перестала приезжать домой на Рождество, чтобы у них по-прежнему все проходило «в семейном кругу».

– Ритуал в духе времени, – заметил Макс, и Джози улыбнулась.

– Вполне.

На пути к выходу им попался ювелирный отдел, и хотя это выглядело типично по-женски, Джози не смогла отказать себе в удовольствии туда заглянуть. На глаза попались висячие сережки в виде больших звездочек, которые переливались огоньками, и она рассмеялась.

– Забавная штука – ювелирные украшения, – невозмутимо произнес Макс.

– Точь-в-точь такие я получила на Рождество, когда мне было девять. – В последнее Рождество с родителями, невольно подумалось ей. – Они лежали в носке, – пояснила она, улыбаясь при воспоминании. – Наверное, это были клипсы.

– Наверное.

– И из пластика.

Макс поднял брови.

– А в остальном точь-в-точь такие? Вряд ли «Фортнум и Мейсон» это понравится. – Он посмотрел на стоящую поблизости продавщицу и просиял улыбкой – та улыбнулась в ответ и слегка покраснела. Ясно, что за прожитые годы Макс научился пользоваться своей внешностью.

– Они сохранились?

– Нет, я потеряла их через несколько месяцев.

– Жаль. Уверен, ты потрясающе выглядела бы с пластиковыми золотыми звездочками в ушах. – Он взглянул на мочки, и она невольно дотронулась до одной.

– Больше я такие не ношу.

На ней, как обычно, были пуссеты в форме маргариток. Она представить себе не могла, что может позволить себе что-то настолько броское, причем тут, пусть даже это всего-навсего серьги.

Они вышли на улицу, и после магазинной духоты, на холодном ветру, обдувавшем затылок, Джози почувствовала облегчение. Телефон завибрировал, и она поморщилась. Неужели Оливер решил донимать ее звонками? Но это был не он.

Прикусив губу, она посмотрела на Макса, и он жестом показал ей, чтобы ответила. Она чуть отвернулась, стараясь говорить тише.

– Тетя Хелен?

– Джози! – хрипловатый голос тетушки звучал во всеуслышание. – Дорогуша, как ты?

– Я...

– Слушай, – перебила ее Хелен, – я помню, мы договаривались завтра поужинать, но у меня все даты перепутались, и я приехала в Лондон сегодня. Может, встретимся сегодня, а, как ты?

Джози посмотрела на Макса, который, раскачиваясь на каблуках, с вежливым видом разглядывал улицу.

– Ну, я...

– Я знаю, дорогуша, что это ужасно неудобно, но завтра у меня еще одна встреча, и мне будет ужасно жаль, если наш ежегодный ужин не состоится, я горю желанием узнать, как прошел твой год.

При мысли о том, что придется рассказывать Хелен, как ужасно прошел ее год, Джози скривилась.

– Дело в том, что...

– Я заказала для нас столик в «Плюще», – продолжала Хелен. – Ты ведь знаешь, где это? В Ковент-Гарден.

– Да, знаю, но дело в том, – зачастила Джози, опасаясь, что ее снова перебьют, – я сейчас не одна, поэтому я не уверена, что у меня...

– Так приходите вместе! – радостно воскликнула Хелен. – Буду рада познакомиться с твоими друзьями, а то я порой переживаю, что ты там одна.

– Ну, я... – Джози не закончила фразу. Она не могла сказать «нет», пусть даже ей хотелось еще побыть с Максом. Это было единственное время в году, когда они с Хелен виделись всегда, и отказаться от встречи ради того, чтобы еще несколько часов провести в обществе мужчины, которого едва-едва знала, она никак не могла. Она вздохнула, и Хелен поняла, что взяла верх.

– Отлично! Тогда встретимся на месте через час.

– Через час?

Все в последнюю минуту! Джози могла бы поклясться, что Хелен кривит душой – у нее, вероятно, были другие планы, которые накрылись, вот она и пыталась перестроить все так, чтобы не торчать одной вечером в гостинице.

– Да, у нас будет ранний ужин, почему бы нет? С нетерпением жду тебя, дорогуша!

С этими словами она нажала отбой, а Джози продолжила молча смотреть на телефон.

– Все в порядке? – подходя, спросил Макс.

Джози запустила пальцы себе в волосы.

– Да, я... – Она выдохнула. – Это моя тетя. Она в Лондоне и хочет через час поужинать со мной – она заказала столик, но, очевидно, забыла меня предупредить.

– Ужин в пять вечера?

– Ну да. Мне очень жаль. Но она сказала, что будет рада, если ты тоже придешь.

Макс нахмурился, затем его лицо приняло нейтральное выражение, так что Джози не могла сказать, о чем он думает. Вероятно, оно и к лучшему, потому что она не была уверена в том, каким должен быть ход его мыслей. Она была бы счастлива провести с ним остаток дня, но при мысли о том, что он будет сидеть рядом с Хелен, которая на протяжении трапезы из трех блюд станет разглядывать его как под микроскопом, ей становилось не по себе.

– Был бы рад, – сказал Макс, пожалуй, слишком ровным тоном, – но вообще-то это кстати – у меня есть кое-какие дела, а потом я обещал поговорить с родителями по Skype. – Джози кивнула, не понимая, почему вдруг ей стало сложно подбирать слова. – Где вы с ней встречаетесь?

– В Ковент-Гарден.

– Я тебя провожу – чем ехать на метро, можем прогуляться, если ты не против.

Она кивнула, потом, взглянув на охапку пакетов, со вздохом подняла их с тротуара. У Макса дрогнули губы – он взял у нее два пакета, и она даже не стала возражать.

– Ну что, – сказал он, когда они подошли к станции метро «Ковент-Гарден», и до них донесся, перекрывая общий шум, звук аплодисментов. Где-то невдалеке, вероятно, шло уличное представление. – До завтра.

Джози подняла на него глаза. Из-за ветра, который улегся с наступлением темноты, точно она прогнала его прочь, волосы Макса торчали в разные стороны.

– До завтра?

Он не смотрел на нее, сосредоточив внимание на уличном музыканте, который исполнял «Feed the World».

– Какие планы?

– Планы? – Джози перехватила инициативу, направляясь в сторону «Плюща».

– На завтра. Какие у тебя планы?

– Ох.

Джози почувствовала, как затылок обдало жаром, и она с трудом удержалась от того, чтобы потереть его. Вообще-то Макс мог бы спросить ее об этом попроще. Конкретных планов на завтра у нее не было, и хотя она еще несколько недель назад взяла на этот день отгул, признаваться в таком накануне Рождества было слегка стыдно. Она уже и так спонтанно провела с ним два дня – выходных, ни больше ни меньше – и соглашаться так сразу в третий раз, не будет ли это равносильно признанию в том, что у нее никого нет? Или он не это имел в виду? Вообще-то он не приглашал ее на свидание, может, он просто поддерживал вежливый разговор. Или ты просто заморачиваешься, Джози. Она вздохнула.

– Есть кое-какие дела, – уклончиво сказала она.

– Кое-какие дела, – кивнул Макс.

– Вопросы, которые нужно порешать до Рождества. В сочельник на работе вечеринка, и я должна... к ней подготовиться. – Это верно, учитывая, что она даже не думала о том, что наденет на благотворительное мероприятие, выражаясь словами Джанис. – И другие... вопросы. – Она скомкала конец фразы, останавливаясь перед рестораном.

– Вопросы и дела, – медленно произнес Макс. – Какая скука. Лучше давай завтра со мной.

Джози изо всех сил сдерживала улыбку, старалась сохранять нейтральное, как у него, выражение лица, хотя чувствовала пробегающую по спине дрожь. Это не свидание, твердо сказала она себе. Ему просто нужна компания, всего-навсего. Она даже не была уверена в том, что ей хочется, чтобы это было свидание, не так скоро после Оливера и не с тем, кто живет в Бристоле.

– Соглашайся, – ровным голосом произнес Макс. – Ты же не бросишь меня на произвол судьбы в Лондоне?

Джози рассмеялась и сдалась.

– Ладно. И чем ты хочешь заняться? – Она переложила пакеты в другую руку и потрясла той, которая начала неметь.

– Я заеду за тобой в девять.

– Заедешь? – Она прищурилась.

– Образно говоря. Машины у меня, само собой, нет. Здесь нет, – добавил он, выживая телефон и открывая вкладку «Заметки». – Диктуй свой адрес.

Она так и сделала, запоздало подумав, что ей, вероятно, следовало бы быть более осмотрительной и не раздавать свой адрес направо и налево.

– Куда мы отправимся?

– Это сюрприз.

– Я не большая любительница сюрпризов, – вздохнула Джози.

Он закатил глаза.

– Не будь такой банальной. Все любят сюрпризы, если речь не идет о плохих сюрпризах.

Она поразмышляла над этим, а затем помотала головой.

– И все-таки я хочу знать, что меня ждет.

Макс внимательно посмотрел на нее, сохраняя на лице непроницаемое выражение. У него чертовски хорошо получалось не выдавать своих мыслей.

– Пфф! Какая скука! – снова заявил он и пренебрежительно махнул рукой. Но затем его голос слегка смягчился, в нем прозвучал намек на грусть. – Жизнь нельзя спланировать, она – дама своенравная.

Джози невольно подумала о родителях, решивших в последнюю минуту отправиться на вечеринку, но тут же одернула себя. Это не одно и то же.

– Значит, вот где вы ужинаете? А что, прикольно. – Он снова перешел на легкий, шутливый тон. Открыл перед ней дверь, и на них пахнуло теплом, пропитанным ароматами чеснока, мидий и, конечно же, портвейна. В ресторане царил полумрак, что соответствовало духу Рождества, боковые кабинки были украшены зеленой мишурой, и как здесь все выглядело летом, представлялось с трудом. Прежде Джози была в этом ресторане только раз, тоже зимой, на корпоративном ланче.

Администратор взяла у нее пальто, пакеты и начала объяснять официанту, к какому столику ее нужно проводить, когда послышался зычный голос Хелен.

– Джози!

Наплевав на этикет, тетушка решительным шагом направлялась к ним с другого конца зала. На ней было экстравагантное фиолетовое платье, облегавшее ее внушительную фигуру. Хелен было уже под шестьдесят. Светлые волосы, которые она исправно красила каждые полтора месяца, были подстрижены по-новому, чтобы подчеркнуть скулы. Джози взглянула на Макса, но отправлять его восвояси было уже слишком поздно. Тетушка набросилась на нее и стиснула в объятиях. Джози, как всегда, уловила запах табака, хотя Хелен настаивала, что давным-давно бросила курить. Она была гораздо ниже Джози, но понять это можно было, лишь поставив их рядом – Хелен подавала себя так, что казалась выше всех. Она была старшей сестрой отца, но Джози, как ни старалась, не видела у нее с папой почти ничего общего, хотя, возможно, знай она его во взрослом возрасте, сходства нашлось бы больше.

– А это кто? – с места в карьер осведомилась тетушка и беззастенчиво принялась разглядывать Макса.

Джози кашлянула.

– Макс, Хелен. Хелен, Макс.

Как-то разом поняв, с кем имеет дело, Макс вместо рукопожатия поднес тетушкину руку к губам и быстро чмокнул.

– Безмерно рад знакомству.

Хелен прищурилась, не торопясь с выводами.

– А вы тот самый «друг», о котором говорила Джози? Останетесь поужинать?

Макс провел рукой по щетинистому подбородку.

– Рад бы, но, к сожалению, у меня дела.

– Хм, – Хелен перевела взгляд с него на нее и громко прошептала Джози: – А тот куда подевался? Оливер, да? Он мне нравился.

Это было не совсем верно – Хелен решила, что Оливер ей нравится, когда увидела его в четвертый раз, на тот момент их отношения продолжались полтора года.

– Потом расскажу, – вздохнула она.

Хелен повернулась к Макс.

– И чем вы занимаетесь?

– Я архитектор, – сказал Макс, и тут до Джози дошло, что за последние два дня она даже не спросила его о том, чем он зарабатывает себе на жизнь. Господи, он, вероятно, считает, что она заиклена на себе.

Хелен поджала губы, явно соображая, какие карьерные перспективы могут быть у «архитектора».

– И в какой компании? – поинтересовалась она, а Джози чуть не фыркнула. Можно подумать, она разбирается в компаниях. Джози смущенно улыбнулась Макс. Макс повернул голову Хелен.

– В ALA, – сказал Макс. – Вам она знакома?

К счастью, Хелен, похоже, не уловила легкую насмешку в голосе Макса и только засопела в ответ.

– Дамы, если вы готовы пройти к столику... – Рядом с ними топтался официант, и Джози поняла, что они загораживают проход, но сказать им об этом напрямик никто не решается.

– Да-да, – проговорила Хелен и, махнув рукой, подхватила Джози под локоть, внезапно завершив беседу с Максом.

– До завтра, – сказала ему через плечо Джози.

– В девять утра, – кивнул Макс.

Увлекаемая теткой, Джози мгновенно скрылась из виду, и лишь когда они подошли к угловому столику, Хелен отпустила ее локоть.

– Дорогуша, садись по правую руку от меня, а то мое ухо опять пошаливает.

Джози села и, улыбкой поблагодарив официанта за меню, отметила, что на столике уже стояли две бутылки – минеральная вода и «шардоне».

– В отеле бардак, – сказала Хелен. – Моей брони не было, а потом еще у Сьюзан случилась мигрень, и наши планы пришлось отменить, ну да ладно, а ты-то как, дорогуша? – И все это на одном дыхании.

Джози невольно улыбнулась и сделала глоток вина, которое налила ей тетушка.

– У меня все хорошо.

– Бледненькая, – оценивающе посмотрела на нее Хелен.

– Просто сегодня холодно.

– Хм. И кто же этот парень? Как вы познакомились?

– В клубе, пять лет назад, – быстро сказала Джози.

Хелен подняла глаза от меню и нахмурилась.

– В клубе?

Кто бы говорил: своего нынешнего мужа, третьего по счету, с которым она теперь разводилась, Хелен подцепила в коктейль-баре, куда отправилась вместе с подружкой.

– Это шутка, – помотала головой Джози.

Тетушкины брови взметнулись вверх – она уже снова изучала меню, водя пальцем по строчкам.

– Не очень смешная, дорогуша.

Но, несмотря на ее замечание, Джози рассмеялась, и в кои-то веки инструментальный вариант рождественского гимна «Тихая ночь» ее не раздражал.

Глава 6

Ледяной ветер раздувал ее волосы, она давно оставила попытки с ними справиться, а на языке, когда она на холоде втягивала воздух ртом, ощущался привкус соли. В сапожки набился песок – ходить так по пляжу было совершенно невозможно, но разуться, как сделал Макс, она отказалась. Честно говоря, получи он обморожение, она не удивилась бы. Сейчас он вообще залез в воду – подвернув брюки, шлепал, как карапуз в летний день, и улыбался ей, державшейся с фотокамерой на безопасном расстоянии.

– Давай, присоединяйся! – Его голос был едва слышен из-за шума ветра и волн. Чуть поодаль, держась за руки, прогуливалась другая пара – они были в непромокаемых куртках и шарфах и смотрели на Макса, как на ненормального.

– Ни за что. И учти, в больницу, пришивать пальцы на ногах, я тебя не повезу.

Он лишь широко улыбнулся в ответ, и Джози почувствовала, что еще чуть-чуть, и от сурового выражения ее лица не останется и следа. Он выглядел по-настоящему счастливым – как только они сошли с поезда, его походка стала танцующей, лицо оживилось. Температура была ниже нуля, но его радость была заразной.

Джози подняла камеру, настраивая фокус на Макса, который стоял к ней спиной, вглядываясь в горизонт. День был удивительно ясный, безбрежную голубизну неба украшали лишь несколько перистых облаков. Вода искрилась бриллиантовой рябью, принаравливающейся ко вздохам океана. Джози долго выжидала, хотела, чтобы снимок получился как надо, затем сделала несколько кадров, поймав момент, когда Макс, расслабленный и с чуть заметной улыбкой, обернулся к ней. Она захватила фотоаппарат просто так, поскольку Макс отказался посвящать ее в свои планы, пока они не сядут в поезд, но теперь была этому рада.

Макс брел к ней по песку и, подойдя, пошевелил пальцами ног. Джози покачала головой.

– Ты чокнутый.

Глаза его сияли, и, хотя их цвет уступал синеве океана, казалось, они впитали в себя его мерцание – сегодня они были скорее зелеными, чем янтарными. Он провел рукой по волосам – им очень шли ветер и соль, и сегодня, в солнечном свете, они еще сильнее отливали медью.

– А вдруг такой шанс никогда не представится, а?

– Мм, вряд ли отморозить пальцы на ногах – неременный пункт в «списке дел, которые надо сделать, пока ты не умер».

Он ткнул ее в бок, и она засмеялась, отмахиваясь от него, потеряла равновесие на неровном песке и повалилась назад, а он, желая удержать ее, схватил за свободную руку – не ту, в которой была камера. Но ее, разумеется, занесло в другую сторону, и она практически упала ему на грудь. Он тихо рассмеялся и, вскинув бровь, обхватил ее руками и поглядел на нее с высоты своего роста.

Джози кашлянула, разом осознав, насколько они оказались близки и как вдруг забило сердце.

– Спасибо, – она сделала шаг назад.

Он наклонился, насухо вытер ноги, а потом снова надел носки и кроссовки. Выпрямившись, он по-дружески взял ее под руку, и они двинулись дальше. Она повесила ремень фотокамеры на другое плечо и шла в такт его широким шагам. Идти с ним в ногу было легко, и, в отличие от предыдущих дней, она не чувствовала необходимости что-то говорить – просто слушала, как волны плещутся о берег, а позади смеется какой-то ребенок.

– Хорошие получились снимки? – Он кивнул на камеру, и она пожала плечами. – Внушительный аппарат, не уверен, что справился бы с таким – я всегда на iPhone снимаю.

– Мне он очень нравится, – призналась она. – Я его в том году купила. Стоил кучу денег, но я все равно купила. – Она не смогла бы объяснить, насколько правильно она себя чувствовала, глядя в объектив – так она чувствовала себя, когда была максимально расслабленной, самой собой. – Когда-то я мечтала стать профессиональным фотографом. – Она мимолетно улыбнулась при воспоминании о том времени, когда ее школьные подружки мечтали стать ветеринарами, врачами или актрисами, а она давала указания, где встать, чтобы сделать снимок. То были редкие мгновения, когда в ней просыпался командир, как говорила мама. Сейчас она предпочитала фотографировать животных и пейзажи, а не людей, но сама страсть с возрастом никуда не делась.

– Что тебе помешало?

Джози недоуменно посмотрела на него.

– Ну, это же не очень надежная профессия.

Макс повел плечами, точно говоря, что это не важно, но Джози знала, что это очень романтический взгляд на жизнь, не имеющий ничего общего с реальностью.

– А маркетинг, которым ты сейчас занимаешься, тебе нравится?

Джози помедлила, потом вздохнула:

– Нет, пожалуй. Не совсем. Я занялась им, потому что там бывают креативные моменты, особенно связанные с социальными сетями, но моя компания очень строго подходит к тому, что они хотят получить, и это, пожалуй, ломает весь кайф. – Она откинула пряди с лица – ветер дул в спину, и волосы все время лезли в глаза, загораживая обзор. Знай она, куда они направляются, сделала бы хвост, но вообще-то ощущение было приятное, точно ветер запускал ей в волосы свои пальцы. – Сейчас я в основном просматриваю фотографии моделей в купальниках.

– А что, классная работенка. – Она ткнула его в бок локтем, а он засмеялся. – Но если ты ее ненавидишь, то почему ей занимаешься?

– Я не ненавижу ее. – Джози помолчала, глядя на море. – Вообще-то с января мою должность сокращают, так что, возможно, уже неважно, как я к ней отношусь. – Живот неприятно скрутило – она впервые решилась сказать об этом вслух, и хотя реальнее от этого вряд ли что-то стало, но проблема определенно была обозначена.

Макс нахмурился и сразу ничего не ответил, точно не нашелся, что сказать.

– Вот дерьмо, – наконец произнес он, и Джози засмеялась.

– Именно. Впрочем, у меня есть вариант. – Она помрачнела, вспоминая лицо Джанис, искаженное в притворной улыбке, когда она предлагала ей вышеозначенный вариант. – Я могу развиваться «вбок» – она попыталась изобразить воздушные кавычки, получилось не очень ловко, потому что шла под руку с Максом, – или попасть под сокращение.

– Что значит «вбок»? – Он тоже изобразил кавычки.

Джози помахала свободной рукой, рассекая пальцами воздух и жалея, что забыла взять перчатки.

– Они называют эту должность административной, но по сути это та же самая работа, только за меньшие деньги и с упором на цифровой формат.

– Похоже, тебе лучше драпать оттуда, пока есть возможность. – Он потянул ее за собой вверх по пандусу, направляясь к пирсу.

– Да, но тогда у меня не будет ни работы, ни денег... – Мысли вращались по замкнутому кругу, в фоновом режиме, не отпуская ни на минуту. Можно согласиться на должность, которую ей предлагали, и одновременно искать другие варианты или получить компенсацию за увольнение по сокращению в надежде, что новое подвернется до того, как деньги иссякнут. Но вдруг новая работа окажется хуже этой? Здесь она, по крайней мере, все знает, у нее есть подруги, в том числе Лора, что некоторым образом уравнивает ситуацию с Оливером. Джози еще не поняла, готова ли рискнуть, хотя говорить об этом вслух не стоило, чтобы не выглядеть жалкой.

– Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на то, что тебе не нравится, – просто сказал Макс, точно это было легко, точно все делали то, что им нравится.

– Значит, тебе нравится быть архитектором?

Он улыбнулся, но уже не так радостно, как будто теперь, на песке, отчасти лишился энергии океана.

– Да. Я повернут на зданиях. И могу креативить. Я не сразу получил возможность... отражать... свою индивидуальность в здании. Но я знал, что однажды это случится, и спокойно вкалывал. – Он взглянул на нее. – Хотя, сдается мне, что ты не видишь свое будущее в маркетинге, а это все меняет.

Джози покусала губу, обдумывая сказанное. Она предполагала, что будет двигаться по карьерной лестнице, но хотелось ли ей на самом деле через десять-двадцать лет стать директором по маркетингу? Она покачала головой. Так что причина не только в том, что происходит сейчас.

– Ты всегда хотел быть архитектором? – спросила она, чтобы переключить разговор на него.

– Нет, в шесть лет я не заявлял на детской площадке, что хочу проектировать здания, но в подростковом возрасте, пожалуй, уже окончательно определился с выбором. Родители поначалу восприняли эту идею в штыки, – добавил он, но, судя по улыбке, играющей на губах, эта проблема осталась в прошлом.

– Вот как? Почему?

Джози считала, что это вполне уважаемая профессия, и к тому же денежная.

– Мои родители – люди консервативные. Они врачи, благодаря этому и познакомились. Оба – классные специалисты в своих областях, мама так любит свою работу, что дает консультации в Нью-Йорке. Они предполагали, что я пойду по их стопам, и думаю, были страшно разочарованы тем, что не смогут поделиться со мной своими познаниями.

– Но теперь-то они смирились?

Макс решительно направлялся на другую сторону дороги, к ветхой рыбной закусочной с полинялой сине-белой вывеской над входом – все свидетельствовало о том, что лучшие дни заведения давно позади.

– В детстве мне покупали здесь рыбу с картошкой, – пояснил он. – Мы исправно приезжали сюда каждый год в неделю августовских банковских[1 - Банковскими в Великобритании называют общегражданские каникулы, которые вводятся в дополнение к существующим праздникам. Также этим термином часто называют все официальные нерабочие дни. (Прим. ред.)] каникул. Сто лет здесь не бывал, – произнес он с легкой ностальгией и открыл ей дверь. Джози вошла, удивившись, что в середине декабря закусочная открыта. В воздухе витал запах жира, не сказать чтобы аппетитный, но после уличного холода здесь было тепло и потому приятно. За прилавком стоял тощий мужчина с острым угловатым лицом и залысинами.

– Картошку на дорожку или ты проголодалась? – спросил Макс.

– Да, отлично, – она улыбнулась продавцу, который что-то пробурчал в ответ и повернулся к ним спиной, выполняя заказ из двух пакетиков картошки. Мало радости сидеть тут в ожидании случайного туриста в канун рождественского

сочельника, подумалось Джози. Она посмотрела по сторонам: в конце прилавка стояла маленькая фигурка оленя, иных примет праздника не наблюдалось.

– Так о чем мы говорили? Ах да, о типично подростковом бунте, связанном с поисками иной идентичности, чем та, которую навязывали мне родители. – Он многозначительно кивнул, и Джози засмеялась. – Сейчас они смирились – в основном. Но периодически заводят разговор на эту тему. Так было два года назад, в день моего тридцатилетия, как будто я, выйдя из студенческого возраста, могу каким-то чудом заняться медициной.

Продавец выдал им два промасленных пакетика и сказал, что приправы и соусы – в конце прилавка. Джози слегка перестаралась с солью, но в конце концов, это же Рождество, и вздрогнула при виде того, как Макс поливает свою картошку уксусом.

– Не употребляешь?

Она состроила гримасу.

– Разве родители тебе не говорили, что от избытка уксуса скиснуть можно?

Это была любимая поговорка Мемо, которую она, правда, всегда употребляла не к месту, так что получалась бессмыслица.

– Да, порой я бываю кислым, – в свою очередь, рассмеялся он.

Они ели картошку, идя по пирсу, – Джози накинулась на нее с таким жаром, что мягкой серединкой обожгла себе нёбо. Увидев скамейку, они уселись – она была влажная от конденсата и морских брызг, но Джози было наплевать, она расслабилась, а Макс загораживал ее от порывов ветра.

– Но если тебя сокращают, почему же ты идешь на вечер?

Джози ответила не сразу – слизывала соль с пальца.

– Что?

Макс уже доел свою картошку и смял промасленный пакетик одной рукой.

– Ты ведь сказала, что идешь туда завтра – на рождественский вечер, или я ослышался?

– А, – она нахмурилась, пытаясь вспомнить, когда именно говорила об этом. – Верно. Вообще-то я еще не решила, уйти или остаться.

– Вот оно что.

– Поэтому мне надо быть на хорошем счету, чтобы иметь возможность выбора. – Она взяла еще одну дольку – тонкую, хрустящую, такие ей нравились больше всего – и отправила ее в рот. – Это благотворительное мероприятие, – объяснила она и скривилась. – Мы все обязаны присутствовать – его организует компания-учредитель для всех своих дочерних предприятий и кучки клиентов, и по какой-то причине, известной только им, оно было назначено на рождественский сочельник. – Джози не стала уточнять, что до недавних событий ждала этого вечера, потому что это давало ей возможность забыть о предрождественской суматохе. Но теперь... – Сказать по правде, я боюсь туда идти, – вздохнула она. – Но надо думать о будущем, так ведь?

– Навидался я таких мероприятий, – поморщился он.

– Больше тебе не надо на них ходить? – Джози склонила голову набок.

Он помедлил секунду.

– К счастью, нет. А что, пикси[2 - Пикси – существо из британской мифологии, разновидность эльфа или феи.] тоже там будет? – поинтересовался Макс, прежде чем Джози успела задать новый вопрос.

– Пикси? – нахмурилась она. – Ты имеешь в виду Оливера? – Она фыркнула. Что-то от пикси в нем определенно было – рост, точнее низкорослость, тонкий подбородок, и хотя она не была уверена, что Макс имел в виду что-то обидное, но Оливер, безусловно, воспринял бы это так. – Да, – она вздохнула. – И он, и девица, с которой он мне изменил.

– Ой. Тогда не ходи.

Джози закатила глаза и отправила в рот последние ломтики.

– Говорю тебе, я обязана.

Он медленно кивнул.

– Это закрытое мероприятие или можно прийти со спутником?

У Джози екнуло в животе, но она постаралась сохранить нейтральное выражение лица.

– Да, можно со спутником.

– Тогда я пойду с тобой, – объявил он, и это был не вопрос, а утверждение. У нее мелькнула мысль, может, ей стоит обидеться, но она изо всех сил старалась не улыбнуться во весь рот и не могла хорошенько обдумать ее. – Зажжем. – Он взял у нее из рук промасленный пакетик, затем заправил ей за ухо непослушную прядь, после чего выбросил пакетик в урну слева от себя. Джози порадовалась, что он отвернулся, потому что покраснела от его прикосновения.

– Я уже говорил, что завтра днем должен встретиться с приятелем, который будет здесь проездом по пути домой, но вечером мы можем... – Не договорив, он полез в карман и достал звонивший телефон, на экране которого высветилось имя Хлоя. Он бросил взгляд на Джози. – Сестра, – пояснил он. – Извини, лучше я отвечу, а то она будет звонить не переставая.

Джози кивнула, и он пошел прочь своей вальяжной походкой, затем оперся о перила, а она смотрела на него. Теперь, когда Макс не загораживал ее, ветер снова задувал ей в лицо, и, поежившись, она встала и пошла вокруг скамейки к другой стороне пирса, подальше от Макса, сжимая пальцы в кулаки, чтобы согреться. Прямо под ней, на пляже, маленький мальчик, смеясь, бегал за лохматой золотистой собакой. У пса свисал язык, хвост стоял трубой, он с лаем мчался навстречу волнам, точно пытаясь их напугать, а потом, ничего не добившись, плюхался в воду. Джози захотелось запечатлеть этот момент с собакой на берегу моря, она расчехлила фотокамеру и снова выставила

настройки, а тем временем на берегу появилась, как она предположила, мама мальчика в ярко-красных резиновых сапогах и большой дутой куртке – судя по всему, ей приходилось бывать на побережье.

Джози намеренно стояла на другой стороне пирса, но ветер доносил до нее голос Макса, и она невольно слышала обрывки его разговора. «Честное слово, я в порядке». Смех, затем Джози показалось, что в его голосе слышится горечь. «Можно подумать, это мне решать». «Расслабься, о'кей? Ничего радикального я делать не буду». Он помолчал, и Джози поняла, что остановила съемку и помимо своей воли прислушивается к его словам. «Знаю, знаю». Вздох, затем «Ну, вообще-то я не один». Джози тут же занялась камерой, подозревая, что он смотрит в ее сторону. «Нет, погоди. Джози!» Вздвигнув, она повернулась и увидела, что он машет ей. Она помедлила, а затем направилась в его сторону.

Когда она подошла, Макс протянул ей телефон.

– Пожалуйста, поздоровайся с моей сестрой. Она думает, что я торчу в гостинице, – и он сунул телефон ей в руку.

– Алло? – осторожно произнесла она.

– Алло? – Послышался с другого конца резкий, твердый голос. – Вы?..

Макс выхватил у нее телефон прежде, чем она договорила.

– Убедилась? – Он закатил глаза, точно они с Джози состояли в заговоре против его сестры. – Слушай, мне некогда, мы с Джози чудесно проводим время на пляже. – Джози не расслышала, что сказала его сестра – Макс перебил ее. – Да, на пляже. Я тебе потом позвоню, о'кей? – И, нажав отбой, тотчас сунул телефон во внутренний карман. – Извини. Она обо мне беспокоится. – Он улыбался, но как-то натужно, не той счастливой открытой улыбкой, которую она видела у него на лице, когда он заходил в море.

Джози кивнула.

– Но ведь хорошо, что она беспокоится.

– Пожалуй, да. – Вздыхнув, Макс тряхнул головой. – Она – идеальный ребенок, пошла по стопам родителей и стала врачом. И она, и я стараемся не сердиться на нее за это.

– И она, и ты?

– Ну да. – Он оперся о перила. – Быть идеальным ребенком не проще, чем жить в его тени, скажу я тебе.

– Хм, я – единственный ребенок и не могу об этом судить.

Макс посмотрел на фотокамеру в руках у Джози, и она поняла, что по-прежнему прижимает ее к себе.

– Можно взглянуть на снимки?

– Думаю, да.

– Что-то особого энтузиазма не слышится, – усмехнулся Макс.

– Извини, – быстро поправилась она. – Да, конечно.

Она протянула ему камеру и показала, как просмотреть недавно сделанные кадры, а сама встала чуть поодаль, стиснув руки и переводя взгляд с него на дисплей. Фотографии – это было глубоко личное, вряд ли он это понимал.

– Их еще надо обработать, – сказала она. – И это просто забавные снимки, не...

– Вот эта мне нравится.

На фотографии был он, снятый вполоборота, и контраст между морем и небом получился идеальным, без всякого ретуширования – ей удалось схватить ледяную прохладу дня и придать теплоту композиции.

– Мне тоже, – чуть улыбнулась она.

Он просмотрел еще несколько снимков.

– В самом деле хорошие. Я – не лучший судья, но могу сказать, что чувствую тебя на этих фотографиях.

Он вернул ей камеру, и она покраснела. Это было самое лучшее, что можно сказать. Оливер всегда говорил, что она прячется за объективом, и сердился, что она не любит фотографироваться, а предпочитает снимать сама. Он, кажется, так до конца и не понял, что она присутствует в каждом снимке, хотя не видна на них.

– Первый фотоаппарат мне купила мама, – улыбнувшись, сказала она. Он взял ее за руку, когда они шли назад по пирсу, и это казалось так просто, так естественно.

– Да ну?

– Когда мне было девять, – кивнула она. – Это был дешевый Kodak, «мыльница», ну, ты знаешь, но я была вне себя от восторга. – Она расцвела улыбкой, вспомнив, как была счастлива. – Мама тоже фотографировала все подряд, так что, наверное, у меня это от нее. – Улыбка сползла с ее лица при этих словах, при воспоминании о том, как мама всегда делала много семейных снимков во время праздников и вечеринок, как папа всегда сетовал на это, но подчинялся, как маме приходилось переснимать по несколько раз, чтобы большой палец не попадал в кадр и у всех были открыты глаза. Сейчас Джози была рада, потому что это означало, что у нее есть детские воспоминания, но фотографий самой мамы осталось слишком мало, точно детство дочери было запечатлено без нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Банковскими в Великобритании называют общегражданские каникулы, которые вводятся в дополнение к существующим праздникам. Также этим термином часто называют все официальные нерабочие дни. (Прим. ред.)

2

Пикси – существо из британской мифологии, разновидность эльфа или феи.

Купить: https://tellnovel.com/stoun_emili/vsegda-v-dekabre

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)